

A romantic close-up of a man and a woman about to kiss. The woman, with blonde hair, is looking up at the man with a smile. The man has a beard and is looking down at her. Their hands are gently touching each other's faces. The background is soft and out of focus.

**ДАРЬЯ
БЕЛОВА**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СТАТУС:
Всё сложно

18+

Дарья Белова

Статус: все сложно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69161191

SelfPub; 2023

Аннотация

Продолжение истории про Милу и Глеба. Встреча героев спустя четыре года. Что произошло за это время и готовы они двигаться дальше? И если да, то по одиночке или вместе? Все начинается с безобидной игры, которая рискует перерасти в нечто большее, но при этом вскрывает старые раны и острые переживания.

Дарья Белова

Статус: все сложно

Глава 1

Четыре года спустя...

Глеб.

Секретарь ставит на стол чашку кофе. Это будет третья за день. Последнее время слежу, чтобы количество не превышало две чашки в день. Сегодня лажаю. Потому что еще далеко не вечер, а глаза так и закрываются.

Рано утром мы с Ритой прилетели после небольшого путешествия по Испании. Она поехала домой отсыпаться, мне же нельзя. Я начальник, как никак. Сел в машину и поехал в салон. И теперь мечтаю уже оказаться дома, закрыть глаза и выспаться.

Гипнотизирую эту самую чашку, что третья.

– Может, ну ее нах*р и домой? – разговариваю я сам с собой.

– Вы что-то спросили? – не заметил, что секретарь так и не успела скрыться за дверью.

Только отрицательно машу головой и делаю первый глоток. Вкусный. Это радует.

Кирилл заходит без стука. Впрочем, как и всегда. Неимоверно раздражает это, но мои просьбы он упорно игнорирует, будто специально.

– Я тебя сколько раз просил хотя бы стучаться?

– А что?

– Вдруг, я тут трахаюсь? – на лице непроницаемая маска.

– Тогда я выйду, – он проходит и садится напротив меня.

– Да, но настрой ты собьешь.

– Ну я извинюсь, – улыбается широко.

– Че хотел? – прикрываю глаза, веки слипаются, что даже третья чашка не помогает.

– Слушай, у меня есть один парень. Хочет тачку для дрифта. Подыщем?

– А из того, что есть, его ничего не устроило?

– Придирчивый, засранец, – Кирилл берет фотографию со стола.

На ней мы с Ритой год назад. Отмечаем ее День рождения в Париже. В те дни я ходил и озирался по сторонам. Надеюсь встретить ЕЕ? Искал ЕЕ глазами? Уже не вспомню. Рита устроила пикник на Марсовом поле. Она прочитала, что лучший вид открывается на Эйфелеву башню именно с него. Очень уж она ей нравилась. Половина фотографий из Парижа именно с этим видом. По мне – нелепое сооружение. Спорить не пытался, получил бы только укоризненный взгляд или, еще хуже, – обиды и молчание. Не самое приятное сопровождение, учитывая, что это был ее День рождения, и я сам пригласил ее в Париж.

Кирилл рассматривает эту фотографию, улыбается, как-то хитро. Мне не нравится. Вырываю эту фотографию и став-

лю на место. Он приходит в себя и смотрит так, будто не было этого нелепого жеста.

— Ну так что? Поможем этому засранцу?

— Чем сможем, — киваю я.

Он уходит, на прощание помахав мне рукой.

Три года назад, с помощью отца, мы открыли автосалон по продаже спорткаров. Закупаем в Европе, а последний год и в Китае, уж больно поднялись они за последнее время, и реализуем здесь. Как оказалось, спортивные машины очень даже пользуются спросом.

Встаю, чтобы немного размяться. Спина затекает от постоянного сидения. Вытягиваюсь и хрущу костями. Почему-то вспомнилась Мила, как каждое утро она просыпалась и делала разминку. Улыбаюсь, как debil.

Последний раз, когда мы виделись, была весна. Последние дни смешались в один. Все сумбурно, непонятно и неясно. Помню, что я замкнулся в себе, было полное равнодушие к происходящему. Как будто потерял вкус к жизни. Ничего не радовало, ничего не веселило, но и грусти тоже не было. Одна сплошная боль и разочарование.

В тот вечер она ушла, а я не стал останавливать.

Звонок выдергивает из воспоминаний, которые нет да нет, но дают о себе знать.

— Да, Рит?

— Эй, Маквин, — дурацкая кличка, которую она мне дала, один из героев не менее дурацкого мультика. — А ты когда

приедешь? – голос сонный, она только что проснулась. Слегка завидую.

– Скоро. Сейчас пару дел закончу. Меня все-таки неделю не было. Накопилось, знаешь ли, – Рита скорее всего меня не слушает. Все, что касается машин и автосалона, ей неинтересно.

– Может, вечером выберемся в ресторан?

– Может. Забронируй что-нибудь.

– Я уже соскучилась, – томление в голосе, легкая хрипотца. Я представляю ее в нашей постели, разнеженную, с растрепанными волосами. И хочется все бросить и ехать домой сломя голову, нарушая правила и ограничения, как когда-то мог в другой жизни.

– Ты сейчас в постели?

– Угу

– А в чем?

– На мне только трусики. Которые ты так на мне и не разорвал, как обещал...

Шумно делаю вдох. Ее тело сводит меня с ума, ведьминские глаза околдовывают, ее губы дарят такое наслаждение, что готов исполнить любой каприз.

– Я всегда выполняю свои обещания, искусительница.

– И как ты собираешься их разорвать?

Звонок по второй линии. Незнакомый номер. С удовольствием бы не брал трубку, но по работе могут звонить новые заказчики. Автосалон последний год на слуху. Всем хочется

уникальный спорткар.

– Бл*ть!

– Что? Глеб Навицкий, не поверю, что ты быстро кончил, – издевательские нотки, за которые хочется ее наказать. Она это знает и провоцирует.

– Вторая линия. Перезвоню, – сбрасываю и как-то остервенело нажимаю на вызов. Нажимаю, конечно, громко сказано, имея на руках современный смартфон.

Цифры красивые, будто из владельца долго подбирал эту комбинацию. Блатной? Мажор? А может, так совпало?

– Навицкий, – сходу отвечаю я.

– Привет, Глеб, – сердце делает пару кульбитов высотой в несколько этажей, а потом паузу, смертельную для организма.

– Мила?

Глава 2

Глеб.

– Мила? – голос свой не узнаю. Чужой, отстраненный, но вместе с тем теплый.

На том конце тишина. Хочется спросить, почему молчала все это время? И почему звонишь сейчас? Но я также упорно молчу.

– Не отвлекаю? – режет пространство. Голос тот же, но стал уверенней, звонче.

– Минута есть.

– Как... как дела? – хочется все высказать. Или просто

сбросить вызов. Звонок из прошлого никогда не предвещает ничего хорошего.

– Замечательно. У тебя?

На мой вопрос не отвечает, игнорирует. Это ранит, словно не она мне звонит, а я. Делает одолжение. Это точно Мила?

– Мы можем встретиться?

– Когда? – хотел сделать паузу, но выплюнул этот вопрос слишком быстро.

– Через час сможешь подъехать в центр?

Конечно же нет. Меня дома ждет женщина, которая любит меня, ждет моей ласки и прикосновений. А вечером у нас забронирован столик. Мы проведем вечер вместе, а потом вернемся домой и займемся умопомрачительным сексом, как и все предыдущие три с половиной года.

– Ладно. Скинь локацию, – сбрасываю звонок и откидываю телефон.

Руки потряхивает, а дыхание частое. Третья чашка кофе лишняя. Смотрю на пустую посуду и корю, что дал слабину.

Меряю шагами кабинет. Он у меня большой. С одной стороны вид на новый квартал с красивыми домами, будто район в Даунтаун Манхеттен. Стильно. С другой – Набережная. Хожу от одного окна к другому. Пытаюсь взять себя в руки и успокоиться.

Беру ключи от машины. Не прощаясь с секретарем, выхожу. Слышу в спину полетели какие-то вопросы. Встреча? Совещание? Да черт с ними. Лечу, как обезумевший. А по-

чему? Потому что позвонила она? Или просто хочется взглянуть в ее глаза?

Одни вопросы. Снова. А ответов нет. Только Мила сможет мне на них ответить. Но вот нужны ли мне сейчас ее ответы?

Подъехал к указанному месту быстро, хотя по городу не гнал. Нигде не гоняю. Теперь.

Но так и остался сидеть в машине. Захотелось проследить за ней. Не из окна кофейни, а как сыщик какой-то, тайный детектив. Засмеяться бы от этих идей. Я просто сошел с ума, вот и все.

Где-то на задворках моей памяти маячит красным огоньком, что у меня вечером планы, я занят. Пути назад нет.

Сдаюсь и выхожу на улицу. Безумно хочется курить. Смотрю на парня. Он стоит около двери в кафе и вкусно курит. Затягивается сигаретой и выдыхает дым. Может, просто подойти и стрельнуть сигарету? Как вообще надо курить правильно? Никогда этим не занимался. Или стоит постоять рядом и побыть пассивным курильщиком? Где-то читал, что для здоровья это хуже, чем быть самим курильщиком.

Открываю дверь кофейни. Здесь стоит терпкий аромат кофе и выпечки – ваниль, корица и, мать ее, шоколад. Мила словно знала, куда меня звать. Ругаюсь про себя. На секунду мелькает мысль плюнуть на все и уехать.

Но я выбираю столик, с которого открывается замечательный вид на вход.

– Что будете заказывать? – милая официантка, темные

кудряшки, сама как куколка. Стараюсь ей улыбаться и казаться добродушным. Внутри же кошки раздирают меня. — У нас замечательная новинка — шоколадно-маковый рулет. Попробуйте. К кофе отличное дополнение.

— Благодарю. Американо. — Четвертая чашка за день.

Она уходит, а я не отрываясь наблюдаю за входом. Дорога пустая, только моя машина. Поэтому я с легкостью пойму, если Мила приедет на машине. Я как сталкер, что следит за своей жертвой.

Удары сердце частые. Но это же просто волнение?

— Пожалуйста.

Официантка ставит большую чашку американо. Приступ тошноты накатывает от запаха. Снова волнение? И шоколадно-маковый рулет. Какого черта? Не успеваю я отказаться, она уже удалилась, оставив передо мной довольно аппетитную выпечку. Слюна скапливается, хочется надкусить. Может, стоит попробовать хоть маленький кусочек?

Любуюсь этим рулетом. На секунду только возвращаю взгляд за окно. Удар, сильный, будто пронзили насквозь.

Она выходит из машины, поставив ее на сигнализацию и идет в сторону кафе. Обычный седан. Каких сотни по Москве. Но номера только запоминающиеся. Думаю, папочка постарался, чтобы отличить синюю Киа Рио из множества. Синяя... Перед глазами мой Ягуар. И снова взрыв, пожар и пелена перед глазами. Сердце замирает, а потом бьется снова, будто ничего и не было.

Милу я узнал сразу. Каким-то чудом. Потому что внешность другая. Сейчас длинные темные волосы заплетены в какую-то замысловатую косу. Безразмерная толстовка кислотного цвета с ярко-розовыми полосами, джинсовые шорты. Если она повернется ко мне спиной, я увижу границы ее ягодиц. Сжимаю челюсти, даже слышу их скрип. Смешные длинные носки с галочками и спортивные кеды.

Где тот ангел в голубом платье и вечным пучком на голове?

Она уверенной походкой проходит к двери. Тот парень, что еще почему-то стоит у входа, помогает ей открыть тяжелую дверь. Мила улыбается. Теперь ее улыбка другая. Она соблазняющая, нет уже тех милых черт, аккуратных уголков губ, что слегка взмывают вверх. Правильная улыбка? Бред. Сейчас это улыбка женщины, что знает себе цену и пользуется этим.

Она заходит в зал. Очки опускает вниз. Теперь они висят на груди, благодаря цепочкам. Мила оглядывается, а потом находит меня глазами. Улыбки больше нет. Я не заслуживаю, чтобы мне также улыбнулись?

Огибает столики, доходит до нужного. Сумку спортивную кладет на стул рядом. А сама усаживается напротив меня.

– Привет, – улыбается. Осторожно. Не соблазняет, как того парня. Но и в этой улыбке нет и толики правильности. Потому что пропитана дерзостью. Кто ты?

– Привет.

Глаза темные, в них тот же огонь, что и был, когда эмоции выходили за грань. Пожалуй, это все, что осталось от моей Милы. Длинные ресницы теперь подведены тушью, а на щеках румяна, довольно яркие надо признать. Губы... Черт!

– Ну и зачем ты это сделала?

– Что? – приоткрывает наглый ротик.

– Губы зачем накачала?

– А, ты об этом, – отмахивается от меня, – я слегка. Зойке было страшно одной делать, а у Сони и так свои хорошие. Ну я за компанию, так сказать.

– Дура!

– Что?

– Дура говорю. Они у тебя и так были, – какими? Охрененными? – неплохими. – Ставлю точку и опускаю взгляд на кофе. Пей, пей Глеб, сердце и так отбивает уже не свой ритм. Слишком часто и быстро. Того и гляди выпрыгнет.

Та официантка снова подходит. Теперь обращается к Миле. Та лишь повторяет мой заказ и нагло мне улыбается.

– Рулет и правда вкусный. Мы с девчонками пробовали его на днях.

Мила не сводит с меня глаз. Тоже изучает. Наши глаза встречаются. На секунду я вижу ту Милу, что была влюблена в меня с детства. Ту хрупкую и ранимую девушку. Но она в мгновение исчезает, словно ее и не было. Никогда. Взгляд опускается к моим губам. Я ей улыбаюсь. Своей чарующей улыбкой, как она раньше говорила, которая не оставляет ни-

кого равнодушным.

Наши поцелуи всегда рвали крышу. На пределе. Когда жесткость кажется спасением. На нее падать приятно. Нежности никогда не было. Эмоции вырывались на первое место, с ревом, с шумом. Словно ударил на газ еще на старте. Я помню эти ощущения. Глядя на ее губы, я вспоминаю, как это – ехать все триста по прямой. Давно забытое чувство, что пробуждает эта девчонка.

А она помнит?

Нам приносят такой же заказ и ставят его перед Милой. Она берет маленькую вилочку и отламывает кусочек. Отправляет в свой аппетитный ротик. Я слежу за этим движением, они гипнотизируют, завораживают.

– МММ, правда вкусно, – она отламывает второй кусочек. Собирается отправить снова себе в рот, но вспоминает про меня, – ой, прости, хочешь, – тот шоколадный кусочек оказывается у моих губ. Пару сантиметров, как перед поцелуем. Я же, когда ее целовал, думал, что сжираю шоколад. Такой же сладкий и запретный.

– Мне нельзя. У меня аллергия на шоколад.

Она хлопает глазками, невинно так, я бы сказал очаровательно. Но это просто игра, не больше.

– Ой, прости. Я забыла. А зачем тогда ты... – показывает на мой рулет.

– По ошибке принесли.

– Тогда не отдавай. Я его съем.

– Потолстеешь от такого количества. И тебя выгонят из твоего Большого, – вилка Милы падает. А на лице гримаса боли. Игры больше нет, я завершил нашу партию. Ее поражением. Но отчего-то больно не только ей, но и мне. Только не понимаю, почему.

– Ты... в порядке?

– Да, извини, – Через пару секунд вернулась та Мила, что вернулась. Вот такая тавтология.

– Ты хотела поговорить. О чем? – демонстративно смотрю на часы. Понимаю, что уже никакого ресторана сегодня, никаких встреч. Просто домой. Забыться. Вычеркнуть этот день, если удастся.

Мила выпивает свой кофе до дна. Он был горячим, но она не поморщилась. Словна всегда любила обжигающие напитки. Взгляд опущен, а глаза бегают из стороны в сторону. Ей тяжело решиться на что-то. Начинаю ерзать на стуле. Пауза затягивается.

– Глеб, – короткая улыбка, просто растянула свой немного подкачанный бантик. Его бы сложить, снова поцеловать. Он такой же на вкус? Лучше. Сейчас там двойная доза шоколада. Убийственная.

– М?

– Мне нужен развод.

Глава 3

Мила.

– Мне нужен развод, – пытаюсь придать голосу уверенно-

сти. Чтобы каждое слово звучало четко, отбить его молоточком, как когда-то давно я свои пуанты.

Прячу руки в широких карманах. Чувствую, как потеют ладони от нервов – я сильно волнуюсь. На кончиках пальцев покалывание.

В его глазах не отражается ничего. Глеб просто застыл, словно готов слушать продолжение моей реплики. Ничего не значащая речь.

Больно понимать, что ему все равно. Сколько бы не настраивалась, сколько не готовилась – видеть равнодушие болезненно. Сердце не берегу. Оно нещадно бьется в истерике, просит помиловать его. Оно и так настрадалось знатно. Я хозяйка неблагодарная, потому что до сих пор смотрю в его глаза, силясь увидеть хоть грамм сожаления. Его нет.

Глеб отпивает глоток своего американо и тихо опускает чашку на блюдце.

– Как интересно получается, Мила, – голос холодный, как глыба льда. Нотки ненависти, пренебрежения. Режут своим острым краем, – ты четыре года не давала о себе знать, а тут вдруг... Просто любопытно, чем вызвана твоя такая, – он подбирает слова, ищет, как бы задеть меня. Заслужила. Признаю. – Спешка?

Я выдавливаю из себя улыбку. Последний прыжок. Он должен быть лучшим. Я буду достойна аплодисментов. Пусть они и звучат в моей голове.

– Пора закончить то, что я начала. У каждого из нас те-

перь своя жизнь, — отворачиваюсь на секунду, вспоминая, как Зойка рассказывала о ее встречи с Глебом и, как ее, Ритой. Глаза прикрыла. Сейчас бы не расплакаться, будет фиаско. Эту партию я должна отыграть как нельзя лучше.

— Ты права.

Глеб всматривается в меня. Изучает. Вытягивает душу, ответы, мысли. Все же отражается в глазах, поэтому снова прикрываю их. Должно выглядеть, будто я устала и этот разговор должен уже меня утомить. И только я знаю, что это далеко не так.

Он опускает свой взгляд, двигается вниз. Губы — на них задерживается чуть дольше — шея, грудь, что спрятана под толстовкой, руки, они сложены на столе, и я позорно положила локти.

— Ты другая.

— Тебя это удивляет?

Хочется признаний, что скучал, думал, вспоминал. А потом перед глазами та плохо сделанная фотография из клуба, где Глеб довольно откровенно прижимает к себе ту блондинку. Маргарита — такое сильное имя. Моя любимая героиня в классической литературе. Маргарита, что подруга мастера. А теперь я ненавижу это имя. Оно пошлое и безобразное. Ни капельки не царское.

— Нет. Нисколько.

До меня доносится аромат его туалетной воды. Там снова нотки сандала. В прошлой жизни они мне нравились. Тяже-

лый, грубый аромат, но проникал с каждым вдохом и осваивался в каждой моей клетке. Намертво. Бесповоротно.

Я помнила его долго. А потом... забыла.

А сейчас он вроде бы такой же, но нет. Нет уже той грубости, что была. Там есть что-то нежное и мягкое. Пушистое. Только пока не могу понять, что это. Не цветок и не фрукт.

Поднимаю руку, чтобы официант рассчитал нас. Те пятнадцать минут, что мы здесь сидим, уже кажутся вечностью. Наваливается на меня, пытается придавить. Я сопротивляюсь из последних сил.

Чек маленький, положенный в какую-то странную коробочку, словно это сокровище. Всегда забавляла такая подача.

Глеб берет этот сундучок и, не глядя, расплачивается карточкой.

– Я могу сама за себя заплатить.

– Это лишнее, – меня не устаивают даже мимолетным взглядом. Высокомерный и самоуверенный Глеб Навицкий.

– И все же.

– Отдашь потом, – язвительный изгиб губ.

Мы выходим вместе. Чувствую его взгляд у меня на спине. Хотя сначала на затылке. Рассматривает косу. Возможно, удивляется. Он никогда не видел меня такую и с такой прической. Потом опускается вдоль позвоночника, цепляет ягодицы. Шорты очень короткие.

На крыльце никого уже нет. Тот парень ушел. Он хотел со мной познакомиться, но мне сейчас точно не до новых

встреч. Разобраться бы со старыми.

Полный вдох грудью. Сейчас я совершила практически невозможное. Я решалась на эту встречу несколько месяцев.

Зойка предлагала поехать со мной. Оказать поддержку. А Соня – сесть за соседним столиком и все контролировать. Но девчонки мои рядом, даже если я их не вижу.

– Задница отпад стала, балеринка, – остановка сердца, дыхание прерывается. Все замедляется на мгновение, а потом снова движется в привычном темпе. Но ритм сердца никак не восстановится. Чертит свои зигзаги, показывая аритмию.

– Нравится? – слетело с языка. Ругаю себя, ведь не должна была. Полная засада.

Глеб подходит чуть ближе. Аритмия ощущается сильнее, зигзаги острее и выше. А я понимаю, что та мягкость и нежность ничто иное как мята.

Глеб отворачивается и ухмыляется. Словно хочет скрыть свои истинные эмоции. В груди бьется надежда, что не все потеряно.

Он наклоняется ко мне, что мята улавливается сильнее. Охлаждает мой пыл. Щекочет своим дыханием. Ноги подводят. Еще секунда, и я упаду, потому что опоры под ногами нет. Только если он возьмет меня. Глеб всегда был моей опорой.

– Нравится.

Отстраняться не спешит. Слышу его вдох. И кажется, что он носом проводит вдоль щеки. Но это только игра вообра-

жения. Не истинная картинка.

А потом отходит от меня на безопасное расстояние, словно ничего и не было.

– Развод, значит, – заключает он.

– Угу.

– Хорошо. Скинь тогда, куда надо подъехать.

Глеб поднимает руку, смотрит на часы. Демонстрирует мне свои AUDEMARS PIGUET с титановым браслетом. Такие же холодные и стильные, как и Глеб сейчас.

– Спешешь? – снова вырывается из меня вопрос.

Взгляд острый, он убивает. Без предупреждения и шанса на выживание. Пронзает насквозь.

– Спешу.

– Тогда не смею больше задерживать.

Я отхожу к своей машине. На спине чувствую все тот же прожигающий взгляд. И снова он опускается на мои ягодицы. Не выдерживаю и оборачиваюсь. Последний раз выдавливаю из себя улыбку. Доигрываю партию до конца, до последнего аккорда, последнего вздоха, последнего движения. Ровно, аккуратно, выкладываюсь на полную.

Музыка в голове. Она громко отбивается от стены. Звук повсюду, окутывают меня, что хочется двигаться, выплеснуть все, что внутри. Танцевать на пальцах, голыми ногами. Душа моя на кончиках этих пальцев. Такая хрупкая, что сильный удар по клавишам может ее разбить.

Просто улыбка. Ничего не означает. А может, сказать все,

что гнетет меня все это время. Мысль мимолетная, но хочется увековечить ее.

Легкий взмах руки, перышко.

Глеб повторяет мой жест и отходит к своей машине. Противный писк сигнализации, мягкий и плавный ход, и вот он уже встроился в крайний ряд, что уносит его от меня. К ней.

– Передавай привет Рите, – говорю я себе тихо под нос.

Сажусь в машину и даю волю слезам.

Глава 4

Мила.

Плачу долго. Не заботясь о том, как буду выглядеть потом. Размазываю тушь, помаду. Эти слезы рвут мне душу. Но остановиться не могу. Они переходят в истерику. Такую, от которой начинаешь выть, будто самая сильная боль мира обрушилась на тебя.

Смотрю вдаль, где некоторое время назад скрылась машина Глеба.

Сейчас у него красивый черный Порш Кайен. Не такой дикий и свирепый, как ярко-синий Ягуар. Тот еще долго являлся мне во снах. В том пламени, что и поглотил его. А еще Марат. Он никогда мне ничего не говорил, просто улыбался и подмигивал. После таких снов я всегда просыпалась в слезах. Они вообще за последние четыре года были частым спутником.

Телефонный звонок доносится из моей сумки. Трясущими руками пытаюсь расстегнуть молнию. Движения рез-

кие. Я боюсь не успеть. Вдруг, это звонит он.

Мистер М бы меня в первую очередь попросил взять себя в руки и выровнять дыхание. Его голос всегда успокаивал. Вспоминаю приятный тембр, что вибрирует, когда он говорит, и снова считаю про себя. Такой банальный совет от мамы, но сколько раз он меня выручал.

Как только я дошла до цифры семь, телефон нашелся. Лежал в боковом кармане. Почему я сразу не догадалась, что положила его туда.

Это не Глеб. И не Мистер М, хотя от него получить звонок было бы странно, особенно в это время.

Зойка.

– Ну? – без приветствия начинает выпрашивать Зойка.

Я только всхлипнула. Воспоминания снова накрыли. Его Порш, его аромат, что теперь смесь сандала и мяты. Он назвал меня дурой, и сказал, что нравится моя задница. Да, именно так он и сказал. Сквозь слезы прорезывается смех. Дикий немного, похожий на истерический.

– Эй, Милка? Он что, тебя обидел?

– Нет, все в порядке.

– Не очень-то и похоже. Ты где? – беспокойные нотки в голосе.

– Рядом с тем кафе, где назначила встречу.

– Ясно. И давно там сидишь?

– Не знаю, я не засекала.

– Как все прошло?

– Ну... он сказал “хорошо”, – слово, что должно радовать, на деле вызывает тошноту.

– Значит, скоро ты станешь свободной, Апраксина. Ты же вроде за этим к нему ездила.

– Мистер М сказал, что перед тем как решиться на такой шаг, нужно понять, что я чувствую.

– И что ты чувствуешь?

– Что я чувствую, – повторяю я за ней, словно сама пре-
вращаюсь в Мистер М. – Опустошение... разочарование...
теплоту...

– Вот последнее не поняла.

– С Глебом всегда так. Чувства на пределе. Нервы нака-
лены. Все очень контрастно. От этого всегда подбрасыва-
ет вверх и опускает вниз. Словно на американских горках.
Но... мне это нравится. Всегда нравилось.

Мы еще молчим несколько секунд. Я перевариваю, в чем
только что призналась, а Зойка пытается осмыслить мой от-
вет. Такие эмоции, которые у меня возникают при виде Гле-
ба Навицкого тяжело описать. Он сам смесь всех полярных
чувств, что возможны. Радость – отчаяние, веселье – грусть,
томление – злость, гнев – вожделение. Он всегда был таким.
А сейчас я увидела в нем немного мягкости. Он словно сгла-
дился, как морской камешек. Я всегда мечтала быть его вол-
ной. Но не стала.

– И какой он сейчас? – Зойка не столько любопытно,
сколько просто решила меня поддержать. Мистер М говорит,

что замыкать чувства в себе нельзя. Они могут вылиться в не вполне приятную форму. И уж я то об этом знаю непонаслышке.

– Он стал немного другим. Внешне практически такой же. Только если морщинки появились. И взгляд стал более серьезным. Но внутри него все тот же огонь, пламя, что подпалил крылышки мотылька. Мне так показалось.

– Ты мотылек?

– Не знаю, Зойка, уже не знаю. Быть им уже не хочется, но кто я сейчас тогда. Для него?

– Стоит спросить у самого Глеба Навицкого.

– Думаешь, он ответит? – задаю Зойке вопрос, но ответа, конечно же, не жду. На него если кто и сможет ответить, то только Глеб. Задумываюсь, что многое бы спросила у Глеба. Много, что хочу узнать.

Перевожу взгляд на часы.

– Боже мой, Зойка! Я опаздываю. У меня сегодня спектакль, – быстро завожу двигатель.

– Может, после пойдем развеяться? Соня нашла какое-то круто место, – заманивает меня Зойка.

– Нет, давай не сегодня. Завтра?

– Договорились.

– Тогда ни пуха!

– К черту!

Выключаюсь и быстро встраиваюсь в ряд, подрезав наглый БМВ. В спину раздались протяжные сигналы клаксонов.

К театру приезжаю за пять минут до начала репетиции. Это, конечно, не академия, но опоздания тоже не приветствуются. В первую очередь, у артиста должна быть дисциплина, каким бы творческим человеком он не был. Дисциплина – это уважением к ближнему.

Что ж, ближние мои, прошу прощения.

В театр забегаю, снося странную стойку какой-то рекламы. Получаю укоризненный взгляд тети Светы, гардеробщицы. Она в этом театре работает давно и следит за порядком. На первый взгляд, это серьезная и строгая женщина, но пообщавшись с ней, понимаешь, что добрее человека просто не существует.

– Милок, ты сегодня последняя, – кричит мне в спину тетя Света.

Я просто машу ей рукой, надеясь, что она простит мою невежливость: забежала в здание и даже не поздоровалась. Это для меня дикость. Хотя, я порой сама себе удивляюсь. Снова Глеб Навицкий опять начал на меня влиять. Одной лишь встречей в пятнадцать минут, а столько правил и внутренних установок уже разрушено.

В раздевалке осталось пару девчонок. Скорее всего так же как я опоздали. Они в спешке переодеваются. Присоединяюсь к ним.

– Милка, а ты чего сегодня?

– Просто опоздала.

– Чтобы ты и просто, – Маринка натягивает топ, но тот

слишком узкий, слишком облегает, – помоги!

Подхожу ближе и холодными пальцами растягиваю гормошку, что сложилась на спине.

– У тебя руки – лед. Ты в курсе, что на улице тепло? Весна вообще-то.

Я и не заметила. Они правда холодные. В дурацкой попытке пытаюсь согреть дыханием. Так обычно делают на морозе в ожидании автобуса, а не в конце весны, когда температура воздуха приближается к двадцати градусам.

– Давай шустрее переодевайся. Застыла она, – я разглядываю свои руки. Пальцы слабо двигаются, словно суставам тяжело. А кожа покрыта синюшными пятнами.

– Иду.

В раздевалке я одна. Устало сажусь на скамейку. Сейчас в одиночестве мне хорошо. Никто не зудит над головой и лишних вопросов не задают. Девчонки это любят, всем любопытна чужая жизнь. Сплетни – основа всех женских раздевалок. Только участвовать в этом не люблю. Меня многому научил случай с просмотрами для Парижа. А что было бы, если Зойка проявила гордость и не пришла бы тогда на встречу со мной или не взяла трубку, когда я ей звонила из Парижа? А Соня? Если бы она не проглотила свою надменность и не встретилась со мной в том маленьком и уютном ресторанчике в аэропорту? Если бы она не приехала тогда ко мне в Париж?

Молча переодеваюсь и выхожу в зал. Там уже все собра-

лись. Отличие моего театра от академии в том, что здесь все взрослые люди. За опоздания никто ругать не будет, хоть и смерят недовольным взглядом.

Я тихонько занимаю угол и начинаю разминку. А через час уже приступаем к репетициям.

Здесь все по-другому. Это не Большой. И я больше не балерина. Только танец никуда от меня не ушел. Он занял место в каждой моей клеточке. И когда начинает звучать музыка, я становлюсь одной из нот, что показывает свое настроение, свои чувства, свои переживания. Только телом. Это новый язык тела. В каждом движении жизнь. Она уже не по канону и не по правилам. Такой вот не всегда правильный танец. Он идет от сердца, из глубины души.

Танцуем с парнем. Сейчас у нас дуэт. Вспоминаю тот мой парный танец с Никитой. Улыбка на моем лице сейчас не про танец, что исполняю. Она от воспоминаний. Но поддержку делает Миша. Сильный молодой человек. У него темно-русые волосы и очень сильное тело. Всегда кажется, что я пушинка. А лучше, маленькая снежинка. Как сегодня, потому что кожа рук так и осталась холодной. Никак не могу согреться. Будто сердце перестало гонять кровь по венам и к каждому уголку моего тела не поступает такое нужное тепло.

Поддержки другие, и дуэт другой. Мы не два разных человека, а одно целое. Моя рука продолжается его рукой, моя нога продолжается его ногой. Все пластично, мы как две пластилиновые фигуры, которые сами себя лепят. Только любое

наше движение, даже взгляд, о чем-то. Нет бессмысленных маханий, шагов и действия.

– Миш, вот ты сейчас поднял Милу, все хорошо, вот вытянулись, молодцы. Но надо было перетечь из одного положения в другое. Понимаете?

Нас остановил хореограф. Сейчас важный момент в нашем выступлении. Мы не исполняем лидирующие партии, как я когда-то мечтала. Но даже те несколько минут на сцене дают наполненность, словно в тебе царит волшебство.

Мы повторяем нашу связку. Чувствую себя водой, переливаясь из одного положения в другое. Поддержка. Она высоко. Я не чувствую больше ниточки, что тянет вверх. Здесь она не нужна. Только чувствовать свое тело, до каждого пальчика на ногах. И вера в партнера.

Опускаюсь вниз и взмах ногами. Кажется легко, но травма дает о себе знать, мышцу слегка потягивает, но я молчу. Никакая боль не сравнится с тем, что испытываешь там, на сцене. Ради тех эмоций можно терпеть. Каждый раз они разные. В этом и уникальность.

– Молодцы! Теперь Мила, кисти рук мягкие, тоже подвижные. Они свежие листочки, весенние. Вот так.

Музыка внутри разносит свои ноты. Улыбка уже от нее и от наслаждения, что испытываешь когда танцуешь. Сейчас у меня нет проблем, нет воспоминаний, нет нерешенных задач и вопросов. Есть просто я и музыка. А еще руки чужого мне парня. Они теплые и им хочется доверять. По-другому

в танце нельзя.

– Супер! Закончили. Отдыхаем!

Мы устало опускаемся. Но это только начало. Впереди самое выступление. Любимое томление. Перед тем, как выйти на сцену, оно мягко охватывает, опутывает. Но это не страх, он не сдавливают. Скорее это предвкушение чуда. И буду творить его я. Показывать историю, сказку, чувства. Словно проживаешь чужую жизнь.

– Милка, – Миша подходит ко мне, довольно близко. Вне танца нарушение своего пространства выношу тяжело.

– М? – отхожу на безопасное расстояние.

– На вечер планы есть?

– Смотря с какой целью спрашиваешь, – на него не смотрю. Делаю вид, что снова разминаюсь. Мышцы на левой ноге ноют, связки слегка болят.

– Ну... – он рассматривает меня с головы до ног. Так странно. В танце его руки где только не были. Их не воспринимаешь как чужое. Это просто становится продолжением тебя. Но вне танца мурашки прокатываются по спине. Не всегда приятно и уместно, – может, сходим куда? Тут недалеко кафешка классная есть. Блинчики – огонь. Я знаю, ты любишь, – улыбается. Он симпатичный. Глаза красивые серо-зеленого цвета, яркие. А губы пухлые. Должно быть, в поцелуе они тоже мягкие. Узнать? Я же могу. Знаю, что могу.

– А потом?

– Что потом?

– Ну, что после кафе?

Мишка слегка краснеет, выдавливает смущенную улыбку и лохматит волосы. Становится похож на дворового мальчишку. Эдакий хулиган, что разбивал бы девичьи сердца. Но быть одной из них мне не хотелось бы. Уже есть один. Имя ему Глеб Навицкий.

– Прогуляться?

Мистер М говорил, что свидания ни к чему не обязывает. Если, конечно, соблюсти все правила безопасности. Снова эти правила. Но это верно. Женщине нравится внимание, даже обожание. Главное, различать грань, когда легкий флирт перерастает в нечто большее. Нужно понять, что ты чувствуешь к тому парню. Нельзя давать ложных надежд.

Смотрю на Мишу. Он правда симпатичный. С ним приятно общаться, он неглупый. Сильный, любит искусство. А еще высокий. Я люблю высоких парней. Так что меня останавливает?

– Хорошо, – вдруг соглашаюсь я. Потом вспоминаю Слова Мистера М, – Миш, только это просто встреча в кафе.

– Дружеская? – пренебрежение в его голосе.

– Дружбы между мужчиной и женщиной не бывает, – та Мила, что была четыре года назад, расстроилась. Потому что это был первый шаг к тому, чтобы оказаться ближе к Глебу. Наивная и добрая Мила. – Просто встреча. Можно узнать друг друга чуть ближе.

Миша улыбается и отходит. Разговор закончен. Смотрю

ему вслед. Может, и правда попытаться.

А что же Глеб? Не вовремя мелькает мысль.

А с Глебом развод. Сама себе отвечаю я. У него Рита, у него другая жизнь. А мне надо идти дальше.

Глава 5

Мила.

В гримерке шумно. Так обычно и бывает перед выступлением. Все суетятся, пытаются отыскать какие-то вещи, которые почему-то находятся в другом углу. Сумбур, что приносит спокойствие внутри. Вот такое странное сочетание.

Последние взмахи кистей и на меня в зеркало смотрит совсем другая Мила. Мне нравится примерять на себя разные образы.

Сейчас на мне красивое длинное шелковое платье на тонких бретельках. Потом будет телесного цвета купальник, а в завершении обычная длинная рубашка. Это уже не балет с красивыми белыми пачками и пуантами. Это больше. Это современный танец. У меня есть возможность на сцене примерить разные роли. Показать их суть. Исполнить их желания.

– Ну что, готова? – Миша стоит рядом, почему-то держит меня за руку. Акт поддержки перед выходом на сцену. Но она мне не нужна. Страха давно нет. Только легкий трепет, как и учила давно Ирина Григорьевна.

– К чему?

– К выступлению, Мила, – он улынулся. – Мне кажется,

через время ты будешь исполнять роль Камилль.

– Ты знаешь, что за это со мной сделает наша звезда?

– По голове точно не погладит.

– Увы. – Поворачиваюсь к нему лицом и отчётливо осознаю, что хочу поделиться, – ты знаешь, вся эта конкуренция ни к чему хорошему не приводит. В погоне за этой мнимой мечтой ты теряешь не просто себя, ты теряешь себя настоящую. – Я грустно опустила глаза. Вспоминать тот опыт стало легче, но картинки того дня так и останутся в моей памяти.

Спектакль проходит на одном дыхании. Я никогда не чувствую усталости во время танца. Редко – ноющую боль в левой лодыжке. И только когда последняя нота будет исполнена, когда аплодисменты наполнят зал, тогда закрываешь глаза и понимаешь, что мечта она не где-то там, отдаленная. Она вот здесь с тобой рядом. Ты слышишь ее, видишь. Она в тебе.

Тепло по телу разливается от этих звуков. Они наполнены благодарностью, радостью. Эмоции, самые разные, словно витают в воздухе. Ты питаешься ими, как вампир. А наши жертвы готовы дарить эти эмоции до последней капли. Пьешь их, пьешь, а они все не заканчиваются.

Сегодня я получила свой букет цветов. Он не первый, но приносит такое же удовольствие. Это ромашки. Красивый и пышный букет. И что-то мне подсказывает, я знаю от кого они.

Ищу глазами в зале этого человека. Конечно же, не нахо-

жу. Проектора еще направлены в нашу сторону. Мы видим только темные силуэты в светлом, почти белом, обрамлении.

Занавес закрывается, и артист выдыхает. Вот теперь легкая усталость. Ведь не только мы питаемся эмоциями зрителей, но и дарим частичку себя. Так что весомее?

– Я готов, – Миша ждет меня у двери в женскую примерную. На нем футболка и легкая ветровка. А на голове кепка с какой-то нелепой надписью. Улыбается. Он очарователен сейчас, что сама невольно растягиваю губы в подобие улыбки.

– Так и не скажешь, что сейчас два часа подряд танцевал.

– Я же привык.

Мы выходим вместе из здания театра. Для артистов есть черный вход, чтобы ненароком не столкнуться с кучкой фанатов. Такие сейчас есть. Но поджидают они обычно тех, кто исполняет главные роли. И сейчас это не про нас с Мишей.

Но я иногда поглядываю на толпу, что у центрального входа. Вдруг, увижу того, кто подарил мне букет. Я бы с удовольствием поздоровалась. Никого не нахожу, а букет сильнее прижимаю к себе.

– От кого-то особенного? – Никита заметил, как я втянула в себя травяной запах летних ромашек.

– Возможно.

– Расскажешь? Вдруг, придется тебя защищать от этого тайного поклонника.

– Нет, от него защищать точно не нужно. Он добрый и

хороший.

– Так ты его знаешь?

– Все может быть, – говорю загадками. Сама ведь не уверена, что букет от него.

Кафе действительно находится неподалеку. Оно маленькое, уютное. Здесь приглушенный свет и круглые столики с подсвечниками в центре. Напомнили мне Париж. Мы с Соней часто завтракали в таком кафе. Оно было на Елисейских полях, и из окна открывался непревзойденный вид на авеню. Соня любила заказывать круассан, а я блинчики с заварным кремом. Мы много тогда общались и делились секретами. С ней было легко и интересно.

Наш столик сейчас такой же маленький, как и в моих воспоминаниях. Миша отодвинул мне стул, чтобы я смогла сесть. Всегда нравилось, когда мужчина умеет ухаживать за женщиной. Это придает ему шарм и обаяние. Глеб никогда так не делал.

Ругаю себя, что снова думаю о нем. Глеб всегда был эгоистом, им же и остался.

– Ну что? Блинчики? – Миша смотрит на меня, не моргая. При таком освещении кажется, что его глаза светятся по-особенному. В них я вижу блики, которых раньше не было.

– Да, – заглядываю в меню, – с малиной.

– А я со сгущенкой.

Смотрим друг на друга не отрываясь. Улыбки одновременно трогают губы, они растягиваются.

– Любишь сладкое?

– Вообще, люблю мясо, но сегодня хочу сладкое.

– Не поздно ли, для сладкого?

– Для него никогда не поздно.

Зрительный контакт долгий, он начинает смущать. Чувствую, что грань между непринужденным флиртом и соблазнением начинает стираться. Опасно. Становится жарко. Опускаю взгляд. Он устремляется на мои руки. Те сжаты в напряжении.

Заказ приносят быстро. Беру приборы и начинаю кусочек за кусочком отрезать трубочки из блинов. Взгляд на тарелку и ни сантиметром выше.

– Вкусно, – не отрываясь от еды говорю я.

– Хочешь попробовать мои?

Грань почти стерта. Она исчезнет, если я позволю себе захватить такой аппетитный кусочек с его вилки. С которой он только что ел.

– Прости, я не хочу.

– Зря. Тебе бы понравилось.

Перевожу дыхание. Все мысли лишь о том, что не надо было соглашаться на эту встречу. Слишком рано. Прошлые раны не зажили, а окунуться головой от безысходности снова будет ошибкой.

Мистер М говорит, что я потеряла точку опоры. И она должна быть не где-то или в чем-то, а именно во мне. Я центр. Я ответственна за себя. Только как мне снова ее най-

ти, Мистер М?

Беру в руки телефон, хочется сообщить девчонкам, что я на свидании. Может, Соня подскажет, как действовать дальше? Она в этих вопросах самая опытная.

У нас с Зойкой и Соней свой чат. Мы часто там переписываемся и скидываем разные картинки и видео. Это нас сближает. Мы не так часто видимся, а это хороший способ всегда оставаться на связи.

“У меня свидание. Вопрос: стоит ли переходить черту, если это способ снова убежать от себя?”

Откладываю телефон и смотрю на Мишу. Он напоминает мне одного человека, с которым также пыталась забыть.

Ответ на сообщение приходит быстро.

“А что для тебя значит перейти черту, Апраксина?”

Меня бросает в пот. Крупные капли стекают по спине.

– Черт! Черт! Черт! – ругаюсь я.

– Что-то случилось? – голос Миши участливый.

Смотрю на него, будто он оказался напротив меня только что. Ведь на доли секунды я забыла о его существовании.

“Извини, я не тебе”

Пытаюсь удалить то сообщение, что по ошибке отправила Глебу. Он был последним, кому я писала сообщение, всего лишь одна строчка – ссылка с локацией. Надо было удалить сразу, чтобы в первых рядах был наш чат с девочками. Но глупая Мила этого не сделала.

“Хм... обидно. И что за черта то? Мне просто любопытно”

Снова откладываю телефон. Зачем отвечать на его сообщение? Оно ничего не значит. Просто ошибка. Моя ошибка.

“Вы излишне любопытны, Глеб Навицкий”

Все-таки пишу ответ и улыбаюсь.

Это не остается незамеченным от Миши. Тот пытается взглядом зацепить сообщения.

– М?

– Ты улыбаешься... – взгляд гуляет по моему лицу, пытаюсь найти там ответы.

– Подружка написала, – нагло вру я, ни тени сомнения.

“Грешен. Сознаюсь. Как свидание?”

Такой сладкий звук входящего сообщения. Греет душу. Солнышко, чьи лучи будят по утрам.

“Превосходно. Лучше еще не было”

Я провоцирую. На кончиках пальцев легкое покалывание. Это нетерпение. Хочется то и дело вертеть в руках телефон и смотреть на экран, чтобы в случае чего, сразу открыть входящее сообщение.

– Ты в курсе, что мы едем на гастроли с постановкой? Видела список городов?

– М? – уже не в теме. Его голос отдаленный. Он мешает, отвлекает.

– Я, например, очень хочу в Питер, а потом Сочи. Представляешь, отыграл спектакль и идешь отдыхать, развлекаться. Не зря я мечтал быть актером.

– Мне казалось, ты танцор? – взгляд от экрана не отрываю.

Гипнотизирую его. Но пока тишина. Люблю, когда мое слово последнее, но не сейчас. Особенно не хочется это с Глебом. Чувствую себя проигравшей.

– Ты права. Но танцор тот же актер, правда. Мы можем не только играть, но и показывать все, что чувствуем, через тело, да? – Миша пытается снова вернуть меня в беседу. А я не совсем здесь. Оболочка только. Сознание куда-то уже улетело. Наверное, в те времена, когда нам было хорошо.

“Обидно, балеринка. А как же карамельный поп-корн? Я, между прочим, его тогда отдельно заказывал. В том кинотеатре он был галимым!”

“Хм, не помню”

“Сучка! Балетная сучка, вот кто ты”

“Узнаю тебя, Навицкий!”

Злюсь. Снова оскорбляет. Но почему-то сижу и улыбаюсь.

– У тебя загадочная улыбка, – встречается Миша, – ты вообще очень красивая, Милка.

Миша опускает взгляд, рассматривает свою тарелку, где не осталось ни капли сгущенки.

– Спасибо, – отвечаю.

Мы выходим из кафе. На улице совсем темно. Город во власти ночи. Но они уже теплые, только легкий ветерок перебирает пряди волос, что выбились из прически.

– Спасибо за вечер, Мила. – Миша берет меня за руку, несмело. Я еще чувствую его неловкость. Понимаю, что я ему нравлюсь, даже слишком. Под неоновой вывеской кафе

его кожа кажется белоснежной, а в глазах множество бликов, что они стали похожи на драгоценные камни. Красиво. Мне нравится такая картинка.

– И тебе спасибо за приглашение. Извини за, – я показываю на телефон, что еще держу в руке. Нет, сообщение уже не жду. Я вообще ничего не жду от Глеба Навицкого. Это бесполезно. А нет, только развода.

– Понимаю. Подружки.

Я лишь пожимаю плечами. Говорить правду – неправильно. Да, этот тот случай, когда эти правила надо соблюдать. А врать я не вижу смысла.

– Я бы предложил проводить тебя до дома. Но знаю, что ты на машине.

А вот здесь тебе минус, Миша. Предложить бы мог. Теперь не узнаешь, согласилась бы я или нет.

На прощание он клюет меня в щеку. Да, именно так. Это не поцелуй. Но даже такое касание хочется стереть. Отпечаток его губ на своей коже жжет. Неприятно и противно.

Мистер М говорит, что если тебе неприятно, то не надо терпеть. Надо ценить свои чувства. Не идти против себя. Но важно понять свои истинные желания и истинные эмоции. Что я испытываю? Что я чувствую?

Проклятый Мистер М. Даже в такие моменты его слова всплывают в памяти.

Дохожу до машины, завожу двигатель. Сейчас это обыденные вещи. А какое-то время назад я зареклась садиться за

руль. Никогда и ни за что.

“Апраксина, переписываться с мужем на свидании... ай-ай-ай. Где Ваши манеры, госпожа экс-Навицкая?”

“Ты меня отвлекаешь!”

“Уже перешла черту?”

Ничего не отвечаю. Пусть думает, что хочет. Но, признаюсь, несколько раз брала в руки телефон, когда придумывала достойный ответ. С нотками сарказма. Или просто шутивную фразу.

Домой доехала уже за полночь.

У меня маленькая квартира-студия. Папа хотел купить другую, побольше. Но я не вижу смысла. Здесь мне уютно. Комфортно. Как говорят, мой дом – моя крепость? Вот именно так.

Уснула быстро. Так всегда бывает после выступлений.

А утром я вижу непрочитанное сообщение. Глеб.

“Он не стоит того, чтобы ты переходила черту с ним. Балеринка, он ел блинчики со сгущенкой!!!”

Глава 6

Мила.

Свой выходной я обычно использую по максимуму. Встаю позже обычного, валяюсь в постели, могу посмотреть последние серии фильма.

Только потом варю себе эспрессо и думаю над тем, чем занять оставшуюся половину дня.

Прочитав сообщение от Глеба не находила себе места.

Мысли разные. Начиналось все безобидно: он просто проходил мимо и увидел нас в окне. А потом я навывдумывала невозможное: ему не все равно и он проследил за мной. Как иначе он узнал про наш заказ в кафе?

Может, стоит этот вопрос задать ему?

Беру в руки телефон, открываю нашу переписку и за чем-то пробегаюсь глазами по этим строчкам. Внутри разогрелось тепло, а улыбка расплывается. Я вспоминаю его взгляд, его касания. Как таяла, как сгорала. И как оборвалось все в один миг.

Телефон отложить не успеваю. Он загорается.

“Зойка”

– Мы будем через пять минут у тебя. – Тон, не терпящий возражений.

– Через пять?

Я смотрю на свою студию. Кровать незаправлена, на тумбочке у кровати стопка сваленных книг, сверху пару журналов. А еще стакан воды. Часто ночью я просыпаюсь от жажды, поэтому ставлю его рядом, чтобы не вставать и не идти на кухню. Под ним небольшая лужица – я немного пролила, когда ставила его на поверхность. На кухне посуда, немытая. Осталась со вчерашнего обеда.

Четыре года назад мне было бы стыдно за себя. Нельзя встречать гостей, когда дома полнейший беспорядок. Неправильно, неэтично, хорошие девочки не могут допустить подобного.

Полная хрень.

Я больше не хорошая девочка.

Встречаю девчонок как есть: пижама, растрепанные волосы и большие тапочки с мордочкой единорога.

Зойка с Соней проходят, не дожидаясь приглашения. В руках у одной большой баул, у другой косметичка. Вид у них не лучше моего. Создается ощущение, что тоже только встали с кровати. Не удивлюсь, если так оно и есть.

– У тебя пустой холодильник, – Зойка успевает разуться и пройти на маленькую кухню.

– Знаю. Вчера в обед доела последнюю порцию супа.

– Ага, вижу кастрюлю в раковине.

Соня села на пуфик, так и не сняв ботинки. Глаза прикрыты. Понимаю, что Зойка разбудила ее и силой привела ко мне. А сама она еще пытается доспать, досмотреть свой сотый сон. В свой выходной она та еще спящая красавица.

– Ты можешь лечь на кровать, – шепотом ей говорю.

– Боже, спасибо. Эта гримза в двенадцать ко мне завалилась.

– Я все слышу, – Зойка все-таки нашла в морозилке несколько замороженных блинчиков.

Я смотрю на то, как быстро она справляется: находит сковороду, включает плиту, затем наливает воду в чайник и нажимает на кнопку кипячения. В конце на шипящее горячее масло выкладывает эти блинчики. Молю Бога, чтобы они были с мясом, а не со сгущенкой. При мысли об этой сладости

накатывает тошнота, отчего-то. И я уверена, что это из-за Навицкого.

– Милка, ты чего? Позеленела вся.

– Навицкого вспомнила.

– Изыди!

Усмехаюсь. Поворачиваю голову в сторону своей кровати. Соня уже успела разуться, снять верхнюю одежду и нырнуть под одеяло. Ей сейчас сладко и тепло. Могу поклясться, что слышу ее мерное сопение.

– Как свидание?

Я все-таки смогла потом девчонкам сообщить о встрече с Мишей.

– Как думаешь, что значит, если парень в первую встречу заказывает блинчику со сгущенкой? – спрашиваю Зойку и украдкой поглядываю на сковороду, где жарятся наши блины.

– Что он любит сгущенку, – отзывается Соня.

Мы с Зойкой переглядываемся и синхронно начинаем смеяться.

За столом сидим молча. Каждый ест свою порцию. А я разглядываю своих подруг.

Помню наш первый разговор с Зойкой после того вечера, когда мы все трое разошлись в разные стороны. Тот звонок мне дался с трудом. Сказывалось все: чувство вины, молчание Глеба, его закрытость, даже злость, а потом мой отлет в Париж. Я какое-то время обживалась там. Мне сняли скром-

ную комнату недалеко от театра. В двух других находились другие девчонки. Одна из Словении, другая из Польши.

В тот вечер шел дождь. Он был такой сильный, что выходить куда-то из дома не было смысла. Эла, она приехала из Польши, звала в какой-то местный клуб. Но я отказалась. Я вспомнила, как мы с Зойкой прятались от дождя в странном кафе. Там продавали кофе без кофеина, и булочки без глютена. Зойка сказала, что это новый тренд. Я лишь усмехнулась. Дождь напомнил мне о том весеннем дне. И отчего-то так отчаянно захотелось услышать ее голос.

Я решила остаться в комнате и набрать ее номер. Три долгих гудка, они казались мне вечностью, что была по нервам с каждой секундой ожидания.

– Мила? – голос радостный, но слегка запыхавшийся, словно она бежала к телефону через необъятное пространство.

– Привет, – робко отвечаю я.

– Я... ждала твоего звонка.

– И вот дождалась.

Между нами повисла неловкая пауза. В тот момент я была уверена, что каждая из нас хочет многое рассказать. Например, как проходили наши дни, о чем мечталось, какие фильмы были просмотрены и какие новинки вышли. Новостей было много. Но мы молчали.

– Как Париж? – Зойка первая нарушает молчание.

– Хм... как Париж. Сейчас сильный дождь и... – делаю

вдох, набираюсь смелости, – девчонки, с которыми я познакомилась, они живут по соседству, звали меня в клуб, но я осталась, чтобы поговорить с тобой.

– Эх, Навицкая, а могла бы флиртовать с симпатичным французом, – ее нотки задорные. Представляю ее улыбающуюся. Когда я уезжала, светило солнце, и я невольно вспоминаю, что лицо Зойки должно было покрыться мелкими веснушками.

– Не называй меня больше так...

– Навицкая?

– Да.

– Почему?

– Я больше не она.

– А что ... – теперь Зойка вздыхает. Она понимает, что сейчас разговор будет очень личным. Как между двумя близкими подругами. Но являлись мы ими на тот момент, никто из нас не знал. – Что произошло, Милка?

В тот вечер я ей рассказала все с самого начала. А еще из Милы я превратилась в Милку.

Девчонки прожевали свои блинчики и теперь косятся на вскипевший чайник. Никто и никогда не хотел после вкусного завтрака вставать и заваривать всем чай. Зойка делает вид, что занята в телефоне, Соня опять начинает зевать.

– Я так понимаю, моя очередь заваривать всем чай?

– Ну слава Богу, – Зойка откладывает свой телефон и разговорчески улыбается.

Каждое воскресенье мои девчонки приезжают ко мне. Такая традиция. Этот день мы стараемся проводить вместе, насколько это возможно.

Я беру большой заварочный чайник и любимый Зойкин чай: черный с лепестками роз. Он придает чаю сладость, поэтому сахар можно не добавлять. Соне этот чай не совсем нравится, но она молчит, понимает, что в прошлые выходные мы пили ее любимый чай: зеленый с жасмином.

– Вы же в курсе, что мы сегодня идем в клуб? – Соня забралась ногами на стул и рассматривает свои ногти.

– О, да, – Зойка закрыла глаза.

– Может, не надо? – тихо спросила я, – настроение какое-то не клубное, – я вспомнила вчерашнее свидание (вообще, можно ли его таковым назвать), переписку с Навицким.

– Надо, Милка, там будут все наши, – Соня имеет в виду несколько девчонок с нашего курса, которых отобрали для Большого театра вместе с ней.

Я устало вздохнула и поставила три кружки на стол. У Зойки ее любимая большая с кошачьей мордочкой из полимерной глины, а у Сони очень девчачья с красивой картинкой девушки в солнечных очках и кисточкой на ручке.

С полки достаю любимые Зойкины драже и обожаемое кокосовое печенье Сони. Себе же просто шоколадную пасту.

Мы бы просидели так еще долго. Могли бы просто завести непринужденную беседу. Или обсудить парней Сони, этих у нее было пруд пруди. Со всеми флиртвала, но близко ни-

кого не подпускала. Или тайного ухажера Зойки. После ее выступлений неизменный букет белых лилий всегда украшал стол в гримерке. Самоуверенно с его стороны дарить такой цветок девушке, которую он не знает, а может, наоборот, очень хорошо знает. Потому что Зойка обожает лилии.

Что обо мне? То мы любим обсудить моего Мистер М. С ним я познакомилась, а точнее нашла его, в сети, как только вернулась из Парижа. Он протянул мне руку помощи, в которой я так нуждалась. Потому что ни друзья, ни родители уже помочь не могли. С тех пор мы с ним изредка, но видимся.

За окном начало темнеть, когда мы заканчивали последние приготовления.

– Я вот только не могу понять, если там не будет твоего нового парня, моего поклонника и... – Зойка смотрит на меня, – Навицкого?

– Я тебя сейчас стукну!

– Ну с кем ты сейчас? Кто в твоём сердце, поведай мне, – она близко подходит ко мне и играет в духа, что хочет выяснить все тайны.

– Прекрати, Зойка. Никого у меня нет.

– Ну да Бог с тобой. Я все равно не понимаю, куда мы такие нарядные собрались.

– Зойка, вдруг, ты там встретишь свою судьбу, – Соня подводит губы ярко-красной помадой и смотрит во все глаза на Зойку, – надо выглядеть подобающе.

Наблюдать за их вечной перепалкой интересно. Они обе

упорно делают вид, что дружат только ради меня и из-за меня. Игра, в которой каждый притворяется, что терпеть друг друга не могут. На деле же совсем наоборот.

Когда я была в Париже, эти двое спелись. Так и не скажешь, что какое-то время назад мы были чуть ли не врагами. А сейчас стоим втроем перед зеркалом и красим губы, тыкая друг друга локтями в бесполезной попытке подвинуть соседку.

Зойка в красивом желтом платье. Кажется, этот цвет имеет название канареечный. А волосы собраны в красивый небрежный пучок. Сонька выбрала классику – черное маленькое платье, только оно полностью закрыта, зато ее длинные ноги открыты взору. Я же надела красное струящееся платье, что на тонких бретельках.

Последние штрихи нанесены. В руках у каждой клатч и телефон. Я выхожу последняя и закрываю дверь.

– Ты Навицкому то что ответила на его сообщение? – за столом я рассказала про нашу с ним случайную переписку. Девчонки слушали меня и не перебивали. Только хмурились. Они знают, как тяжело мне дались многие решения, связанные с Глебом. Как много я пережила. И, скорее всего, еще переживу.

– Нет.

Почему-то украдкой смотрю на экран. Где-то теплится надежда, что он решил мне написать. Просто “как дела”. На него можно было не отвечать, но думать, что ему еще что-

то интересно, волнует.

– Дурак твой Навицкий, – сказала Соня и первая пошла к лифту.

А я украдкой написала ему ответ, чтобы никто не видел.

“Может, ему просто нравится сладкое. Помнится, ты тоже любил шоколад”

Точку в конце не ставлю. Я жду продолжения. Только к чему приведут наши такие колкие удары, когда завтра нас ждет заявление на развод?

Глава 7

Мила.

К клубу мы подъезжаем на такси. Очередное пафосное место, их находит Соня. У нее талант на это дело. Зойке нравится, я же не любитель таких мест. Нет, я не ханжа и хожу с девчонками в клубы с удовольствием, но только ради них и наших танцев. Через час, максимум два, мне становится скучно. Я не большой любитель алкоголя. А если вовремя не пригублять хоть самый обычный коктейль, то все вокруг будет казаться неинтересным. Или во мне говорит та Мила, что предпочла бы остаться дома за просмотром очередной классикой кино, например, Кертис с его “Касабланкой”, или застес в кресло с новой книгой. Воспитание не позволяло мне отплясывать дикие и откровенные танцы, открыто флиртовать и пить более одного бокала белого сухого. Времена меняются. И Мила тоже меняется. Сейчас вино могу заменить на Космополитен, книжку – на современные танцы, а чер-

но-белую “Касабланку” – на новый диджейский сет.

Сегодня в клубе шумно. Хочется закрыть уши, он давит на барабанные перепонки, отчего гул отражается по телу противной пульсацией. Вопросительно смотрю на Соню.

“И ты называешь это хорошим место?” – мой взгляд убийственный.

“Прости, сама не знала” – у Сони взгляд извиняющийся.

А Зойке нравится, она уже готова выходить на танцпол.

Мы друг за другом проходим к бронированному столу. Он в самом углу. Удачное расположение. Можно наблюдать за танцполом, и весь зал как на ладони.

Уже вижу знакомых девчонок. Наташа – с ней мы не виделись все эти четыре года. А теперь, насколько я поняла, она танцует в кордебалете. Как и Зойка. Еще одна девчонка, имени не помню, но виделись несколько раз в академии. Двое парней со скучающим видом. Их не знаю. Задаюсь вопросом, работают ли они в театре? Судя по сложенной мускулатуре, возможно. Танцора видно сразу, а тот, кто трудится еще и в балете, можно отличить по ровной осанке.

На столе только красивые и цветные коктейли. А нет, кто-то еще догадался заказать нарезку. Все сидят, общаются. Нас пока не замечают.

И только потом я вижу того, с кем попрощалась чуть больше года назад. Он сидит сбоку, его загораживала одна из незнакомых мне девчонок.

Никита.

Практически не изменился, разве что волосы стал стричь больше. Теперь я не вижу длинные пшеничные локоны, что часто ниспадали на лоб. Мне нравилось их поправлять. И это вызывало у него улыбку. Добрую такую, с долей загадки. Словно он хочет сказать что-то важное, но по каким-то причинам скрывает это.

Наши взгляды встречаются. И даже на расстоянии я вижу, как в них появились любимые мной смешинки. И блеск. Прельщал и завораживал. Так он походил на сказочного принца. Сразу вспомнился наш единственный с ним танец. Я была Авророй, а он моим принцем. История только оказалась для нас обоих печальной, несказочной.

В темноте цвет глаз неразличим. Но я помню, что они светлые. Он сам весь светлый.

– О, какие люди! – Наташ первая вскочила со своего места, чуть не задев свой красивый бокал с красным коктейлем. Про себя замечаю, что это Космополитен. После того, как мы втроем посмотрели все сезоны “Секса в большом городе”, нашим излюбленным напитком стал именно Космо. Со-не понравилась эта идея, Зойка подхватила, а я просто смирилась.

– Наташа, – мои уголки губ слегка поползли вверх. Уроки этики, чтобы их.

Нас представляют двум девчонкам и двум парням, что слегка уныло кивают головами. Не сильно дружелюбно, но я не заостряю на этом внимание.

Никита подходит ко мне сам. Медленно, словно растягивает и время, и пространство. Он понимает, что нас многое связывает. То, что я бы хотела забыть, но было бы нечестно сказать, что я жалею об этом. Никита понимает это. Своими медленными движениями он дает мне время собраться с силами.

– Ты как? – Зойка тихо, насколько это возможно, спрашивает меня на ухо.

– Все хорошо. Только странно, – признаюсь я.

Никита теперь рядом. Я слышу его аромат. Он напоминает мне то теплое время, которое мы провели вместе. Пахнет весной, выпечкой и немного корицей. Приятные воспоминания, которые я никогда уже не запишу в свой дневник.

Я снова робко ему улыбаюсь, а по телу прокатывается легкая дрожь, словно подул ветерок, который треплет мои волосы. Как было на набережной, когда мы с ним гуляли и держались за руки. На улице было тепло. И внутри тоже играла радуга, что появляется после сильного ливня. Впрочем, так оно и было.

Никита улыбается мне в ответ. В его улыбке нет робости. Скорее наоборот. Она открытая. У нас получается диалог двух улыбок. И каждая из них красноречивее другой.

“Не думала, что ты здесь будешь,” – говорит моя улыбка.

“Зато я знал, что будешь ты,” – отвечает он.

Я сажусь напротив него, оказалось, что все места уже заняты, осталось только оно. Самое классное, но самое опас-

ное. Потому что мы постоянно переглядываемся. Это неловкость, что скользит между нами, словно лезвие конька на льду у фигуриста. Одно неверное движение – и будет боль.

– Что тебе заказать? – Никита пробует за мной ухаживать.

– Что и всем... – бегло осматривают стол. На нем только Космо и несколько пар шотов. – Космо. Его. Наверное, – голос неуверенный.

– Как скажешь.

Он подзывает официанта, что шустро бегаёт между столиков, и делает заказ на всех тех, кто только присоединился. То есть на меня, Зойку и Соню.

Складываю руки на груди. Не вовремя вспоминаю, что платье на мне сегодня довольно откровенное, открытое. Взгляд Никиты нет да нет, но опускается ниже шеи, останавливается там на несколько секунд, потом снова поднимается и встречается с моими карими глазами. Его улыбка после такого становится шире.

Зойка пинает меня под столом. Она все замечает. Всегда такой была. Вроде бы и с девчонками общается, но следит за другой половиной стола.

– Что? – спрашиваю ее, потирая то место, которое она зацепила.

– Не тупи, Милка. Пофлиртуй, Развейся. Что ты как... будто...

– Тихо, – чуть громче, чем нужно, я останавливаю ее.

Заказ приносят быстро. Я беру свой бокал резким движе-

нием, пролив пару капель на стол. Ругаю себя. Тяжело искоренить в себе эту привычку все делать правильно.

Делаю пару жадных глотков. Они обжигают горло, а потом охлаждают. Извечное сочетание алкоголя и льда.

Ощущаю вибрацию на телефоне. Он в клатче, который переброшен через плечо. Почему-то мне кажется важным в этот момент взглянуть на сообщение от Мистера М. То, что это сообщение от него, я не сомневаюсь. Хоть и поздно для него писать в это время. Но иногда мы может переписываться и слать глупые картинки, над которыми долго смеемся.

“Только у меня на него аллергия. Представляешь, ты чуть меня не убила. В кафе. Слушай, а это идея. Нажрусь шоколада. Станешь вдовой”

Телефон падает из рук. Выскальзывает, как самая противная и мерзкая рыба, от которой идет тухлый запах. Мне неприятны его слова. Даже больше, злят. Как и сам Навицкий сейчас.

Телефон жестко ударился об пол под столом и отскочил прямо к ногам Никиты. Тот, конечно же, поднял его. Экран не погас, хотя должен был. Обязан. Но этого не случилось. Очередной закон подлости?

Никита вскользь читает то, что было написано на экране. В момент его выражение меняется. Теперь он не добродушный парень, с которым мы прекрасно проводили время. Он обижен, разочарован. Словно его задело то, что там написано. А может, его задело то, кто написал то сообщение.

– Прости. Просто... любопытно стало, – он передает мне телефон, опустив свой взгляд.

– Ничего, – я тушу экран, ставлю блокировку и выключаю звук и вибрацию. Зачем? Ведь больше никто не напишет.

Мы сидим и сверим друг друга взглядами. Сейчас уже не хочется находиться здесь. А идея пойти именно в этот вечер в клуб кажется провальной. Для меня. Встречи с прошлым никогда не приносили радости. Даже если с этим человеком было хорошо. Я словно совершила что-то плохое и недостойное, хотя по факту ничего не сделала.

– Милка, идем танцевать? – Зойка уловила напряжение между нами.

Я резко встала со своего места и пошла в сторону большого танцпола. Все-таки по пути решил ответить Навицкому. Хочу поставить точку, которую так не поставила. Ведь хотела продолжения. А вот сейчас не хочу.

“Дурак!”

Мой ответ краткий. А вместо точки восклицательный знак.

Танцую рвано, как и музыка, что сейчас играет. Движения жесткие. Сейчас я так чувствую. Меня рвет на клочья. И каждый клочок разлетается в стороны, его подбрасывает сильный ветер и уносит далеко-далеко. Плавности нет. Я просто прерванная линия. Мигающие софиты режут всех. Мы просто отрезки.

Взгляд, который я безошибочно определяю на себе в об-

ласти ягодиц, которые понравились Новицкому, потом в области талии, груди. Он поднимается выше. Цепко выхватывает рваный образ губ. Я играю со своей улыбкой. Мне нравится сейчас эта игра.

Никита подходит ближе. Я знаю это, чувствую. Корица и ванильная выпечка. И только в самые яркие моменты вспоминаю жгучий перец.

Сейчас он отчетливо слышен.

– Милка... – он стоит близко, чувствую его мышцы.

Поворачиваюсь к нему и непроницаемо вглядываюсь в светлые глаза, что с каждой секундой темнеют.

Мы сейчас оба вспоминаем многое. Те весенние месяцы, те вечера с какао, те ночи.

– Я просто танцую, – черту не перехожу. Она выложена крупными буквами, а Мистер М прибил их. Знать. Помнить. Чувствовать.

Он ухмыляется. Берет мою руку и слегка ее сжимает. Жест, что заставляет напрячься. Он не чужой мне, прикосновения приятные.

Только все это бесполезно.

Никита уводит меня с танцпола. Я и правда уже натанцевалась. Хочется присесть.

– Ты все-таки разводишься, – вопрос легкий, но меня простреливает. Перед глазами темный взгляд Глеба, укоряет меня, презирает. А потом равнодушие и пустота. То, как он на меня смотрел в наш последний с ним совместный день.

– Да, – отвечаю тихо, расслышать практически нереально, но Никита читает по губам.

– Хотел бы сказать, что мне жаль...

– Но тебе не жаль, – заканчиваю я фразу.

– Нисколько.

Закрываю глаза. Есть небольшое головокружение. Это все Космо и танец. А может, все вместе и шепотка волнения. Никита сидит теперь близко. Наши плечи касаются. Его аромат я слышу.

Отторжения нет, никогда не было. Как и с Мишей. Что это? Просто привычка? Когда несколько лет танцуешь с чужим мужчиной, и он автоматически становится твоим? Родным? Нет, просто близким. Как тогда найти мужчину, который будет не просто близким? Он будет твоим.

Ведь мало касаний, мало тепла кожи, мало вкусного аромата. Всего мало. Недостаточно. Где та особенность, которая будет проходить гранью между привычным и любимым?

Мистер М говорил, что все ответы внутри. Мы сами знаем ответ на наш вопрос. И теперь я понимаю, что от рук своего мужчины я падаю в бездну. Темную и беспросветную, но такую желанную. И их ни с чем не перепутаешь. Бездна – она не про смерть. Она про возрождения, вкус свободы, про полет.

Я не легкомысленная дурочка, кто не знает про скромность ничего. Я просто ищу его.

Осознание, что ответ все-таки был у меня внутри, оглу-

шает. Я выпиваю оставшийся коктейль залпом.

– Ты знаешь, а у меня из памяти не выходят дни, когда мы забирались ногами на кровать и смотрели комедии. Еще ели карамельный попкорн. Ты же его так любишь.

Отрицательно машу головой. Нет, я прекрасно все помню. Но у меня перед глазами другие дни. Пытаться вычеркнуть их как лишние строки в своем дневнике – глупая затея.

– Ник, если бы мы с тобой были на свидании, что бы ты заказал?

– Это такое приглашение?

– Нет. Просто ответь на вопрос. Мне интересно.

– Ну, если бы это был ресторан, то заказал бы рыбу. Я люблю ее. А если просто какое-нибудь кафе...

– Да, кафе. Блинчики. Ты бы с чем взял?

– Почему сразу блинчики?

– Просто. Ответь.

– Ну... если блинчики... То с медом, наверное.

Улыбаюсь. Мне становится немного смешно.

– Ты чего? – Никита не понимает, что происходит.

– Ничего особенного.

По привычке вынимаю телефон из клатча. Это не остается незамеченным от Никиты. Я заслуживаю язвительную улыбку. Мы оба помним, кто написал мне последним.

На экране пропущенный от Глеба. Руки потряхивает, мандраж разносится по всему телу. Движения скованные, а дыхание такое же рваное как и мои движения в сегодняш-

нем танце. Все пространство порвано на отрезки, а душа – в ключья.

Он звонил мне. Первым. А я крутила задницей, что так ему понравилась.

Никита видит перемены во мне, но никак не комментирует. Он видит ту грань, за которую я никому не позволяю переступить.

– Все в порядке?

– Да.

Он протягивает мне бокал, который успели уже заменить на новый. По запотевшему стеклу стекают маленькие капли. Завороженно наблюдаю.

– За твой развод, – слышу я голос Никиты.

Я чокаюсь нехотя и делаю маленький глоток, который сразу же вызывает приступ тошноты. Вкус приторный, а на языке горечь алкоголя.

Домой приезжаю рано. Оставляю Соню с Зойкой в клубе, а сама позорно сливаюсь, ссылаясь на плохое самочувствие. На сегодня мое веселье закончилось, так толком и не начавшись.

В кровати долго ворочаюсь. Меня отвлекают тени на стенах. Они похожи на отрезки. Раньше наблюдала за ними, и это успокаивало. Начиналось все с маленькой точки, потом увеличивалось до предельных значений и исчезало.

А сейчас это занятие кажется мне бессмысленным. Ведь сон так и не идет.

Беру в руки телефон. Для звонка очень поздно. Кто знает, чем Навицкий занимается в это время. Решаю оставить голосовое. Это уже не текстовое сообщение, но и не звонок. Что-то среднее.

“Навицкий, – делаю паузу, – напоминаю, что завтра мы встречаемся у ЗАГСа, – шумно сглатываю слюну, – будь хорошим мужем и не опаздывай. Целую”

И отправляю.

Глава 8

Глеб.

Проснулся с разбитой головой. Трещит, раскалывается, будто вчера долго тусил, выпил несколько литров водяры и уснул на полу. В висках стучат барабаны, а солнечный свет режет глаза. Противное состояние.

Последнее, что я помню, ее сообщение. Голос такой радостный, веселый. Только отчего-то уверен, что ей было невесело. Много вопросов накопилось к Апраксиной, которые я до сих пор даже не могу озвучить себе вслух. Где она была? Почему так поздно ответила? И почему вообще не взяла трубку? Я ведь просто хотел... что ты хотел Навицкий?

Одни вопросы к ней. Хочется посадить эту девчонку и выпытать из нее все ответы. Перевернуть уже эту страницу. Слишком все затянулось. Какая-то перманентная пауза.

– Ты уже проснулся? – Рита входит практически бесшумно, наверное, думала, что я еще могу спать.

– Угу, – каждый звук приносит боль. Все тело ломит и

скручивает.

– Соня ты, – она опускается ко мне и ложится рядом. Льнет. От нее пахнет утренним кофе и ее цветочными духами. С тех пор, как я признался ей, что они мне нравятся, она не меняет аромат. – Я завтрак приготовила, – пальцами вырисовывает узоры у меня на груди. Доходит до ключицы и ведет вверх, очерчивая профиль. Улыбается, слышу тихий и глубокий смешок. Мой взгляд направлен в потолок, а сам я нахмуренный. Никак не реагирую на ее заигрывания. А то, что это они, можно и не сомневаться. Выучил все ее секреты и приемчики. Ничего не осталось тайного.

– Рит...

– Ты грустный, – попытки соблазнения не прекращает. Она думает, что так провоцирует меня. Сейчас начнет медленно снимать ночную сорочку, целовать. Потом я услышу ее смех, затем частые вздохи, если коснусь ее. Каждое ее движение знакомо.

– Голова трещит.

– Я таблетку принесу, – она соскакивает с кровати и уходит на кухню. Через пару минут приносит мне спасительную таблетку и стакан воды. Выпиваю, жадно схватив губами белую таблетку с ее рук. Выглядело бы очень романтично, интимно.

– Вчера поздно лег? – не прекращает она свои расспросы. Начинает доставать. Раньше бы взорвался, когда лезут не на свою территорию. Теперь просто отмалчиваюсь. Главное

представить, что ты как стена, от которой отлетают мячики. Они – ненужные слова.

– Угу.

– А что делал?

– Ничего необычного, – мог бы отшутиться, но настроение не то.

– У тебя все хорошо?

Нет, бл*ть, не все. Но как такое скажешь?

– Какие планы на сегодня?

– В ЗАГС надо ехать, – снова вспоминаю ее голосовое сообщение. Додумалась ведь. Не просто текст скинуть или локацию. Но и на звонок не решилась. Маленькая трусиха. Хотя, о чем это я. Уж Апраксина трусихой никогда не была. Скорее осторожной.

Что-то звонко падает. И голова разбивается вдребезги.

– ЗАГС? – голос дрожит, – это значит...

– Мы с Апраксиной разводимся. На днях встретились, и она предложила развестись. Я согласился, – выдаю сжатую информацию. То, что между нами с Милой, ее не касается.

– Наконец-то, – говорит тихо, себе под нос. Но вполне осознает, что я это слышу. И мне не нравится. Совсем. Ни ее мысли, ни моя реакция на это.

Я больше, чем уверен, что Рита ждет от меня большего: красивого предложения, шикарной свадьбы, долгой и счастливой жизни вместе. А еще есть из одной тарелки, кормить друг друга с ложечки и умиляться одинаковым пижамам на

новогодней фотосессии. Бред. Никогда этого не обещал, даже разговор не заводил.

Я всегда был эгоистом, им же и остался. Ей нравится со мной, а мне нравится она. На этом все.

Рита выходит из спальни в совсем другом настроении. Словно окрыленная новостью. Подпевает какую-то песню. Слышу ее медовый голос даже в душе.

Прохладная вода сняла напряжение. А головная боль потихоньку отступает. Или стоит благодарить ту волшебную таблетку?

Зеркало в ванной запотело. Еще немного, и капли начнут стекать по поверхности. Провожу рукой и стираю конденсат. И потом смотрю на себя в отражение.

Мила так же четыре года назад стояла в ванной и представляла меня. Я перечитывал это воспоминание несколько раз. Запомнил каждую строчку, каждое слово. Готов повторить.

Кажется, будто мое отражение подмигнуло мне. Темные глаза, практически черные. Никогда не знаешь, они теплые от нежности или острые от злости. Эмоции нечитаемы. Или только избранные могут это делать. Волосы мокрые, прилипли ко лбу и стекают каплями вниз.

Рита заходит внезапно, удивляется. Хорошая игра. Выученная и превосходно сыгранная роль.

– Извини, не знала, что ты здесь, – опускает взгляд.

– Так уж и не знала, – хочу увидеть страсть в ее глазах, не

только нежность, преданность и ласку. Хочу огонь, злость, ярость. Чтобы пахло дикостью.

– Прости, – улыбается. А меня начинает это раздражать. Потому что раньше меня все устраивало. Это чертов серпантин с его поворотами.

Маленькими и аккуратными шагами движется в мою сторону. Дышит часто, ротик приоткрыла. Здесь жарко и душно, чистого и свежего кислорода нет.

Рита стоит близко к мне, лицом к ней не поворачиваюсь. Она в одежде, я без, только полотенце вокруг бедер. Наши отражения вижу в зеркале. На ее лице блаженство, она кутается в нем еще до того, как моя рука очертит изгибы ее тела. А на моем напряжение. Неуместно я вспомнил про Апраксину. Чувствую себя глупо, когда несколько минут назад в моих мыслях была одна, а трогает меня другая. Даже странно, что Глеб Навицкий знает, что такое глупо.

Прикрываю глаза и делаю шумный вдох. Ее руки нежные, едва касаются моей разгоряченной кожи. Охлаждают. Это приятно.

Беру ее за запястье и притягиваю к себе. Она податливо прижимается. А губами ловлю ее стон. Кожа бархатная, пахнет цветами. И сама она как милый цветочек. Разворачиваю ее лицом к зеркалу, чтобы наши взгляды там встретились. Мои глаза полны безумия, в ее загораются маленькие искорки.

– Глеб, я...

– Молчи, – смотрю на нее не отрываясь. Я пытаюсь что-то найти. Только что? Ведь все знаю, все уже чувствовал, все ответы, движения, даже слова. Я просто ее знаю.

Снова всматриваюсь в свое отражение: губы те же, но хочется постоянно их касаться, словно они хранят тепло его губ, глаза широко раскрыты, неестественно блестят, щеки пылают. Где Мила? Ее нет.

Провожу по контуру ее губ. Мягкие и податливые, как и сама Рита. Ее горячее дыхание оставляет следы на коже моих пальцев. Кончиком языка касается их. Простреливает вниз. Заводит. Я прикрываю глаза.

Рукой провожу вдоль шеи, там, где вчера касался он. Обжигает, мне кажется, я вижу эти следы. Только я и вижу. Опускаю руку ниже, пальцами прохожу по ключице, спускаюсь к груди, слегка сжимаю. Представляю, что это его руки. Теплая ладонь, даже горячая.

Рукой провожу вдоль шеи. Ее кожа теперь такая же горячая. Прохожусь по ключице. Ее косточки маняще выпирают. Хочется провести по ним языком, оставить свой влажный след. Но я сдерживаюсь. Опускаюсь ниже к груди и сжимаю ее. Рита дергается, возможно мои движения не имеют ничего общего с нежностью. Сжимаю сильно. Глаза в отражении – снова бездна. Темная и беспросветная. Она должна пугать. Рита, не моргая, вглядывается в меня и мою бездну.

Закрываю глаза и представляю Глеба: как бы он смотрел на меня, как касался, как целовал, что бы сказал? Ды-

шать начинаю чаще. Распахиваю глаза – передо мной совсем безумная девушка, в ее глазах искры, они горят как бенгальские огни, на щеках густой румянец.

В ее глазах уже нет искр, слепое обожание и доверие. Это и бесит, и возбуждает одновременно. На щеках нет румянца. Кожа бледная. Одной рукой собираю ее распущенные волосы и оттягиваю на себя, чтобы она почувствовала, как я хочу ее трахнуть. Прямо здесь, у раковины, чтобы моя бездна ее поглотила. Тебе страшно, девочка? Рита дергается, но не вырывается. Пытается играть по моим правилам.

От злости и от беспомощности бью кулаком по зеркалу. Порочное изображение не меня никак не исчезает, напротив, улыбается, облизывает сухие губы, увлажняет их. Вижу, как рука опускается вниз за резинку трусов. Девушка в отражении склоняет голову вниз и шире расставляет ноги. Томный вздох, практически стон. Он эхом разносится по ванной комнате, отражается от стен. У нее ужасный голос, проникает внутрь и закрепляется там.

Бью кулаком по зеркалу. Рита пугается, но ни звука не произносит. Снова в глазах та чертова нежность. Пытается улыбнуться, выдавливает ее из себя, изгибает пухлые губки полумесяцем. Хочется чтобы она облизала их, увлажнила. От частого дыхания они стали сухими. Опускаю руку ниже, касаюсь кожи живота, вырисовываю пару кругов.

– Глеб... ты... давай не здесь, – она прикрывает глаза.

Не отвечаю, оттягиваю резинку ее трусов и прохожусь по

складкам. Черт, такого я не ожидал.

– Ты меня не хочешь!

– Ты сейчас меня пугаешь, – сознается наконец она. А я теперь вижу страх в ее глаза. И мне хорошо от этого. Ее роль дала трещину. Я нашел в ней то, что еще не исследовал.

Отхожу от нее, поворачиваюсь спиной. Дыхание усмирить кажется невозможным. А в паху тяжесть, что становится даже больно.

Движения медленные, но заставляют желать большего, чтобы он касался меня, он трогал. Стоит только представить, что вместо моей ладони окажется его, вместо моих пальцев его – снова простреливает, на этот раз сильнее. Пальцами чувствую пульсацию, от нее исходит тепло, по длинным нитям клубка оно разносится по телу. Приятно. Очень приятно. Я будто взлетела и зависла в пируэте. Высоко-высоко.

– Бл*дство! – ругаюсь я громко.

– Глеб, прости, – вижу пару слезинок, что брызнули из ее ярко-зеленых глаз. – Давай в спальне? Пожалуйста. Мне тут.. не знаю. Ты так смотрел на меня в зеркале. Я очень испугалась. Твои черные глаза. Казалось, что ты не контролируешь себя. Заглатываешь всю меня, без остатка.

– Это ты прости. Я не знаю, что на меня нашло.

Выхожу из ванной и скрываюсь в гардеробной. Еще секунда, и правда могу не сдержаться. Перед глазами то зеркало, что осталось в той квартире. Говорят, все зеркала хранят образы тех, кто в них когда-то смотрелся. Может, мне удастся

увидеть ее там? Какая она была?

Я хочу свои ответы на все вопросы. Чтобы не осталось ни одной закрытой страницы. Прочитать все и выкинуть к чертовой матери. Из своих мыслей, из жизни.

Почему-то одежду выбираю тщательно. Чтобы цвета соответствовали друг другу. Я ведь не могу заявиться во всем черном, хотя мысль была. Перебираю вешалки, словно на свидание собираюсь. Рита уже стоит рядом, облокотилась о дверной косяк. Выглядит смущенной. Или расстроенной.

– Рита, точно все хорошо?

– Да, я в порядке, – снова улыбка. Она в своей роли примерной и радушной женщины.

Выбираю обычные светлые джинсы и белую рубашку. Сам ухмыляюсь себе. Правда, будто на свидание. Со своей женой.

– Может, отметим?

– Что? Мой развод?

– Да. Чем не повод? – заигрывает, словно не было тех сцен в ванной.

– Не знаю. Мне вечером нужно к Лиле, – останавливаюсь у столика с туалетной водой. Снова выбираю. Любимый сандал с мятой или черная смородина?

– Когда ты прекратишь это? – теперь чувствую ее раздражение. Оно никогда не перерастало в нечто большее. Потому что Рита прекрасно осознавала, чем все может закончиться. Игра, ее игра, будет проиграна.

– Что это?

– Лиля твоя, чувство вины твое, долги, не твои, – она начинает перечислять и загибать пальцы. Смотрю на них и хочется сжать и руку завести ей за спину. Будь мы в ванной, так бы и сделал. А потом трахнул. Только Рита потом не простит. Слишком она нежная для этого.

– Все сказала?

Она подходит теперь ближе, утыкается носом в мою грудь и делает шумный вдох.

– Хм... сандал. Он такой тяжелый, – голос тихий, она боится меня обидеть.

– Почему ты никогда не даешь отпор? Будто всегда готова к поражению.

– Потому что я не хочу с тобой сражаться. Это глупо. А ты все сравниваешь?

– О чем ты? – теперь глупым выглядит этот вопрос. Мы все поняли, оба.

– Ты сравниваешь меня и Апраксину, – Рита никогда не звала ее по имени. И отчего-то я перехватил ее привычку.

– Глупости не говори.

Рита начинает беситься. Первый раз, наверное, за все время.

– Глупости? – зеленые глаза вспыхивают. Мечут искры, которые я так хотел увидеть в отражении.

Она подходит и кулаками бьет в грудь. Потом вырывает несколько рубашек и бросает их на пол, топчется по ним. Они мнутся. Под ее рукой еще какая-то одежда, что была

правильно уложена на полках. Скидывает их. Что-то кричит, ругается. Игра?

– Так ты хотел? – в ход летят мои пиджаки. Дорогие, между прочим. Вон тот, что она пытается разорвать в своих руках, я шил на заказ. И кто бы мог подумать, что Навицкий младший будет себе шить костюмы по своим меркам из дорогой итальянской шерсти. Я даже улыбнулся. – Смешно?

Я уйду и оставляю ее одну. Да, вот в таком состоянии. Если это игра, то она быстро успокоится, а если я и правда наконец-то вывел ее из себя, и она показала свои истинные эмоции, то пусть учится с ними справляться.

– Убрать все не забудь.

Закрываю входную дверь и уйду. Насвистывая какую-то песню. Странно, голова прошла, секса не было, хотя очень хотелось, с Ритой поругался. Но я спускаюсь к своей машине, и мне хорошо.

Глава 9

Глеб.

Милку замечаю сразу, хоть она и стоит поодаль. Грустно опустила голову, глаза прячет за большими солнечными очками. Снова короткие шорты, что больше похожи на трусы. Но вид открывается превосходный. Ее длинные ноги мне нравились всегда. Сверху черный пиджак и толстый пояс. Она одета во все черное. Так странно. Выходила замуж в белом, разводится в черном. Как все в нашей жизни символично. Новая жизнь, как белый лист, как платье невесты. А

переворачиваешь страницу, закрываешь книгу – и перед тобой темная обложка. Сказка закончилась, а конец остался открытым. Грустно и обидно. У читателя множество вопросов осталось. А что скрывает главная героиня? Автор, нам нужны ответы.

У входа столпились пары. Они то как раз оделись как надо: празднично, торжественно. Мила иногда поглядывает на них, но ее глаз не вижу. Кажется, она смотрит на них с долей пренебрежения. Милка скрестила руки на груди, а потом, опомнившись, достает из маленькой сумки телефон. Очевидно, проверяет время. Ведь я опаздываю. Только я в это время просто сижу в машине и наблюдаю. За ней.

Она другая. И дело не в выбранной одежде. Да, она более откровенна, сексуальней. Вон тот парень, друг жениха, уже несколько раз бросал в ее сторону многозначительные взгляды. Прическа не такая идеальная. Сейчас ее волосы просто собраны в высокий хвост. А у висков выбиваются несколько прядей. Они слегка закручиваются, потому что Мила все время заправляет их за ухо.

Захотелось не просто узнать ответы на мои вопросы, мне захотелось узнать – кто она? Какая она сейчас? Где та Мила, что решила договориться с моим отцом, непростым человеком, между прочим, и выскочить за меня замуж. Безумна или глупа?

Стоит и переминается с ноги на ногу. Невербально ловлю признаки злости. Что-то быстро набирает в своем телефоне.

И только по раздавшейся мелодии в салоне, я понимаю, что она звонит мне.

– Навицкий.

– Навицкий, ты сообщение прослушал вчера?

– Конечно.

– Тогда где ты? Ты в курсе, что у нас запись? Время, время!

– Ты куда-то спешишь? – хочется еще увидеть ее эмоции. Немного злости, чуть-чуть раздражения и самую малость бешенства.

– Нет, что-ты! Могу подождать еще четыре года, – плюется в меня своими словами, что больше похожи на пули. Немного ранят. Самую малость.

– Тогда ручкой мне помаши!

– Чего?

– Ручкой, говорю, помаши! Видишь, машина моя стоит!

Она крутит головой в разные стороны. И только потом, когда взглядом нашла мой черный Порш, наигранно весело, с искусственной улыбкой, начинает махать мне рукой. Вижу, что-то говорит себе под нос. В своем дневнике она писала проклятия в мой адрес. Кто знает, может, это они же.

Медленно выбираюсь из машины. Потягиваюсь, каждое движение размеренное, словно я приехал не в ЗАГС подавать на развод, а в санаторий на отдых. Меня еще ждут несколько умопомрачительных дней, где я буду валяться на теплом песочке, а официанты будут приносить мне прохла-

дительные напитки. Даже закрыл глаза, подставил лицо весеннему солнцу. Оно уже пригревает по-летнему.

Понимаю, что без одного месяца, прошло ровно четыре года с последней нашей встречи. Четыре года – это мало или много? Для двух людей, что абсолютно не подходят друг другу? Наверное.

Шаги маленькие. Я подхожу медленно. Мила стучит ногой об асфальт. Вся в нетерпении, а может, в предвкушении. Ведь это ее идея – подать на развод. Ее идея выйти замуж за меня, ее идея и развестись.

– Привет, – улыбаюсь. Раньше она считала, что моя улыбка очаровательна. А сейчас она какая? Скажи мне, Мила.

Она молчит. Злится. Чувствую это. И вижу по огненным глазам. Сжигают дотла. Еще чуть-чуть, и от Глеба Навицкого не останется и следа. Только воспоминания, написанные Милой Апраксиной в ее же дневнике.

С этой мыслью я улыбаюсь еще шире. Даже хочется засмеяться.

– Ты считаешь это смешно так опаздывать? Навицкий, ты вроде теперь серьезный бизнесмен, пол-Москвы спорткарами обеспечиваешь. А сам? Непунктуальный, несерьезный и ... – она запнулась. Да, Мила Апраксина, когда злишься, логика начинает хромать.

– Ну, какой еще? Договаривай, Апраксина. Мне не терпится узнать, что же третье, – я приближаюсь к ней, делаю глубокий вдох. Пытаюсь уловить ее аромат.

– Просто бесишь!

Она разворачивается и идет в сторону входа. Быстро перебирает ножками. Сегодня на ней каблуки, они делают ее ноги бесконечными. Я завис на них, а еще на ее заднице. Раньше была другая. Сейчас стратегические места округлились. Она стала еще соблазнительней, чертовка.

Резко разворачивается на носочках. Этому, очевидно, ее научили в балете. Я не успеваю среагировать. Попался с полным. Я тупо пялился на ее задницу. Опять. Нет, снова.

Еще один уничтожающий взгляд, под которым я должен теперь испепелиться в считанные секунду.

– Хватит это делать!

– Делать что?

– Пялиться!

– Ну если у тебя задница шикарная.

– Навицкий, у твоей Риты не хуже. Пялся на ее ... – не может сказать вслух слово "задница". Эх, Апраксина, ты такая же скромница? Или снова притворяешься?

– Задницу?

– Да.

– Повтори тогда.

– Да иди ты...

– Куда?

– В ЗАГС!

На этом наши пререкания она посчитала законченными и вошла в здание. Сама открыла тяжелую дверь и прошмыг-

нула внутрь. Маленькая, противная шоколадка. Вот только сладость эту я больше не чувствовал.

Внизу столпились пары. Снова молодожены. Такие счастливые, улыбаются, целуются. Обхожу их стороной и пытаюсь найти свою балеринку.

Она идет прямо по коридору, соблазняя своими изгибами и движениями. Того и гляди, вон тот новоявленный муж свернет свою голову. Если нет, я ему ее докручу.

Догоняю. И хочется ущипнуть ее. Снова вывести на эмоции. Мне нравится ее злой вид. Такая фурия уничтожает, сжигает, губит. А я испытываю от этого удовольствие.

Навицкий, а раньше было так же? Я почему-то не помню. Словно часть этих воспоминаний стерли.

У двери несколько пар. Поникшие. Они больше не обнимаются. Стали чужими, будто некоторое время назад они не обнимались и не обменивались слюной как те, что остались в холле. Не было клятв, не было обещаний, не было общей мечты, цели. В воздухе так и витают ненависть, злоба, она смешивается с претензиями, приправляется щепоткой эгоизма. И все. Ячейка общества схлопнулась.

Воспоминаний со своей свадьбы тоже практически нет. Только суматоха, толпа незнакомых мне людей, вспышки фотографа. Кругом один фарс. Убогий и дешевый. Никому не нужный. Даже Миле ее свадьба не нравилась. Только помню наш первый танец. А еще глупый договор быть просто друзьями.

Сейчас этот друг занял последний свободный стул, вытянул свои бесконечный ноги и откинулся на спинку. Глаза прикрыла.

За ее действиями наблюдают все собравшиеся мужчины.

Подхожу ближе и встаю рядом с ней, только облокотившись уже о стену.

– Эй, Апраксина?

– Что, Навицкий?

Не знаю, зачем ее окликнул. Теперь думаю, что бы такого спросить.

– Может, потом отметим? – вспоминаю слова Риты.

– Развод?

– Он самый.

Выравнивает спину и смотрит на меня темными глазами. Там огонь. Он очень нехороший. В них ярость, смешанная с презрением. Костер недобрый, того и гляди, перекинется на меня.

Она пару раз пытается что-то мне ответить. Но так и ни слова не произносит. Снова у меня к ней нескончаемый список вопросов: что хотела сказать? О чем сейчас думает?

Мы заходим последними. Маленький кабинет. Здесь душно и пыльно, словно попал в старую библиотеку, где книги уже не представляют ценность. Просто сваленный в кучу хлам.

Два стула, что поскрипывают, стоит присесть на них. А женщина в возрасте, в очках с ужасной старомодной опра-

вой, что-то усердно ищет в своем в компьютере. Он, кстати, тут не такой доисторический.

Она что-то говорит, я не вслушиваюсь. Изучаю кабинет. Иногда мой взгляд останавливается на Апраксиной. Мне показалось, она нервничает. То и дело поправляет и так короткие черные шорты. Замок сумочки открывает, затем снова закрывает. Движения навязчивые.

– Детей, как я понимаю, нет? – голос этой регистраторши противный, или как называют тех, кто разводит, а не распи-сывает.

– Нет, – а Мила звучит уверенно.

– Общее имущество?

Мила замялась. Квартира, которую нам купили родители как подарок на свадьбу оформлен в совместную собствен-ность. Она ждет от меня какой-то реакции.

– Все оставляю жене, – улыбаюсь.

Мила закатывает глаза. А помнится, ей нравилось, когда за столом закатывал глаза я. Ее это, вспомнить бы, умиляло.

Еще пару формальных вопросов, какие-то нелепые от-веты. Но та псевдорегистраторша все фиксирует. Потом несколько бумаг, что мы заполнили. Голова, что прекрати-ла болеть, начинает раскалываться с новой силой. Таблетка прекратила свое действие. А может, на меня давит вся эта обстановка, все эти бумаги. Взгляд Милы тяжелый, придав-ливает меня, стоит мне усмехнуться или пошутить. Шоко-ладка, тебе же нравились мои шутки. Теперь, получается, не

нравятся? А что тогда нравится?

Выходим из этого кабинета уставшие. Оказывается, рас-
торгать брак то еще удовольствие.

Мила устало опускается на то место, где и сидела. В ко-
ридоре никого. Мы одни. Из холла все еще доносятся голо-
са. Они веселые, радостные. Кто-то кричит “горько”, кто-
то просто поздравляет излишне эмоционально. Мы слышим
все, даже смотрим сейчас в одном направлении – на тот холл,
куда двери оказались открыты.

– Им сейчас хорошо.

– Думаешь?

– Да. Они ведь любят друг друга. Красивые, счастливые...
– голос нежный, обволакивает. В нем можно укутаться. Или
согреться, потому что он теплый.

– А ты?

– Что я?

– Ты любила?

Мила опустила глаза. Эти воспоминания тяжелые для нее.
Думать о прошлом, о том, что было больно не только мне,
но и ей.

Закусила нижнюю губы, не думая о том, что это может ка-
заться провокацией. Шумный вздох, еще один. Ощущение,
что она собирается с силами все рассказать. Или с мыслями,
что никак не поддаются и не формируются в связную и ло-
гичную речь. Мы банально молчим. Ждем друг от друга ка-
ких-то слов, каких-то ответов.

– Пошли, – протягиваю ей свою руку. Мила уставилась на нее, а глаза бегают то на меня, на протянутую ладонь.

Ее кожа прохладная, но все такая же нежная. Раньше она касалась меня, выводила узоры на моей груди. Потом смеялась, долго, заливисто, потому что вспоминала какой-то случай. Я слушал ее, но не вникал в историю. Я наслаждался ее голосом.

Сейчас он другой. Пропали наивные нотки, нет тех донимающих меня и выводящих из себя правильных построений предложений. Но появилась язвительность, сарказм. Голос стал чуть ниже, чем был, но отдается сладким эхом.

– Ты завис, Навицкий? – Мила щелкает передо мной пальцами. Я словно вошел в транс, вспоминая о том, что было. А потом...

– А давай сыграем?

– Ты в своем уме, Навицкий? Мы уже не дети, давно не дети. И не друзья, смею напомнить.

– Та псевдорегистраторша сказала, что на развод потребуется недели две, если никто из супругов не против. А если против, то три месяца.

– Ты на что намекаешь? – в голосе стальные нотки. Их тоже раньше никогда не было.

– “Правда или действие”. Мы задаем друг другу вопросы, которые мучают. И не говори, что таких нет. Не ври мне, Мила, – жестко отвечаю, – Если не отвечаем, то выполняем действие.

– Если я не соглашусь?

– Будем ждать три месяца. Я, видите ли, стал против развода. Как я могу отпустить такую замечательную жену, а?

– Хм... интересно. Шантаж становится привычным делом для наших семей, да, Навицкий?

– Яблоко от яблони... Правильно сказал? – шутливый тон, в котором нет ни капли шутки. Только глупое и противное отчаяние. – Ты же хочешь поскорее от меня избавиться? Он ненавистной тебе обузы, именуемое мужем. Кстати, моя идея с шоколадом еще в силе.

– Ты... придурок, Навицкий! Самый настоящий придурок! – Мила вырывает свою руку, которую я держал в своей. Она согрелась от тепла моей ладони. И выпускать ее мне не хотелось.

Апраксина быстро пошла в сторону выхода, стуча каблуками, забивая гвозди в моей голове. Боль вернулась, словно и не проходила. Давит, вколачивается, расщепляет на две составляющие.

Иду следом, потирая виски в надежде, что это утихомирит боль. Мила обхватила себя руками. Тростинка с отменной задницей.

– Да стой ты, Апраксина!

– Что тебе?

Очки опустила на глаза. Что теперь плещется там, не могу знать. Хочется поднять их, взглянуть в ее темноту.

– Ты же хочешь узнать у меня что-то? Спросить? Сознай-

ся уже, Мила!

– Хочу. – Смотрит в сторону, словно ищет поддержки у кого-то.

– Соглашайся. Будет интересно. Две недели? Или три месяца?

– Пять.

– Что пять?

– Пять вопросов.

Она подходит ближе. Теперь чувствую шоколад. Он приглушен и смазан дурацкими духами. А еще губы. Они очень близко. Так близко, что еще чуть-чуть и – поцелуй. А ее кто-нибудь целовал за это время?

– Идет. Пять вопросов. Две недели.

Она наконец подняла свои очки. Ее глаза покрылись прозрачной пеленой из слез, что вот-вот – и начнут литься. Ненавижу женские слезы. Это слабость, которой они умело пользуются. Но почему-то сейчас чувствую свою вину.

– Ненавижу тебя, Глеб Навицкий!

Отходит к своей машине быстро. Заводит двигатель и резко стартует с места.

Глава 10

Глеб.

Я еще как debil стоял на крыльце ЗАГСа и пялился туда, где несколько минут назад была ее машина. Если присмотреться, то можно увидеть следы от покрышек. А раньше они ее пугали.

Медленно подхожу к своему Поршу, сажусь. Прикрываю глаза. Головная боль не отступает, а накатывает с новой силой. Мне будто дали небольшую передышку, чтобы я смог побыть с Милой. И снова она – сильная боль, когда невозможно даже посмотреть в сторону.

Я снова в той машине, а впереди синий Ягуар и ярко-рыжая МакЛарен. Два соперника, два хищника. Наблюдаю со стороны, как зритель. Долбанный зритель, который ничего не сделал, чтобы предотвратить аварию. Я мог. МОГ! Огонь окутывает своими языками сначала капот машины, потом движется на кузов и вспыхивает за секунду. Взрыв. Треск. И горький запах воспоминаний.

Я открываю глаза и всматриваюсь вдаль. Считаю до десяти. Мила как-то говорила про этот счет. Как ни странно, но помогает. Дыхание тоже пытаюсь восстановить, оно сбилось и стало частым, что сердце может выпрыгнуть из груди, сдавливает грудную клетку, и я невольно потираю ее, мысленно прося оставить все на своих местах.

Эти картинки, которые проносятся передо мной быстрым потоком, возвращаются ко мне при любой головной боли. Раньше они были частыми. Просыпаешься ночью, а видишь этот огонь перед глазами. Ты все еще там, на той трассе. И убежать нельзя, и помочь нельзя. Уже. Со временем приступы стали реже. Было время, когда я забыл даже про них. Нет, не воспоминания, а жуткие картинки аварии и головную боль, что была предвестником. И вот снова...

Еду до ближайшей аптеки за таблетками и бутылкой воды. Прошу сразу два блистера.

– Вообще, они по рецепту, – голос провизора милый. Девчонка, скорее всего студентка какого-то медицинского ВУЗа.

– Понимаю. Дома оставил, – выдавливаю чарующую улыбку. Готов уже на все, лишь бы получить дозу.

Она долго всматривается в меня. Пытается что-то понять. На моем лице вся скорбь. И среди всего этого великолепия она видит отголоски той нестерпимой боли, что девчонка сжалась и пробила мне два блистера моего спасения.

Выпиваю залпом сразу две таблетки и устало бреду к машине. Криво припаркованной. Даже забыл на сигналку поставить.

Телефон в машине, тоже про него забыл. Когда так болит голова, ты не можешь ни о чем другом думать, только о тех спасительных таблетках. Чтобы те воспоминания и страшные картинки остались в прошлом. И никогда больше не тревожили.

Набираю Лиле, как и обещал. Трубку берет не сразу. Но все равно рада меня слышать. Странно, что раньше мы не общались, даже не помнил ее голоса. А когда все случилось... Я снова прикрываю глаза.

– Глеб? – на заднем фоне детский голос что-то хочет, зовет маму, чтобы та обратила не него свое внимание. – Тим, подожди, дядя Глеб звонит.

– Привет, – выдавливаю из себя слова, как те таблетки из блистера. – Заеду?

– Конечно! О чем речь? Я как раз обед приготовила. Твой любимый пирог. Тим, нельзя! – какой-то шум и звук падающей тарелки. Та, вроде не разбивается.

Мы отключаемся одновременно. Я еще несколько минут сижу с закрытыми глазами, считаю, представляю себе ласкающее море, пение птиц, что там еще в медитации говорили? Уже и не помню. Я всегда засыпал.

Боль снова стала отступать, на виски уже не так давит, и я могу ехать.

Завожу двигатель. Он не такой приятно урчащий, как у Ягуара. Того вспоминаю с любовью и грустью, а еще с нотками злости и обиды. Подвела меня моя малышка. Хотя подвела она не меня, а его.

– Ты тоже моя малышка, – погладил я оплетку руля.

Дом Лили находится в спальном районе. Не таком старом и тухлом, как некогда был у Марата. Совсем нет. Это новый район Москвы, с высокими домами и шлагбаумом во дворе. Практически не придраться.

Паркуюсь возле подъезда. Сегодня повезло, тот тип, что вечно криво паркуется на этом месте, закрывая съезд, поставил свою тачку в другое место. Увидел его белую бэху, как только заехал на территорию двора.

Набираю красивые цифры на домофоне и жду ответа. Противный треск звонка еще бьет по ушам и хочется при-

крыть их, может, так звук станет тише.

Лиля открывает дверь, даже не спросив, кто там. Получит у меня выговор.

Лифт чистый, в подъезде не воняет мочой. Снова провожу параллели с тем домом, где Лиля с Маратом вечно зависали.

Я вытащил ее оттуда, друг. Теперь у нее все хорошо. Интересно, а что бы ты сказал, если увидел этот дом, этот подъезд, квартиру? Наверное, удивлялся, восхитился. Тебе так понравилось все, что ты видел у меня дома. А что бы ты сказал, узнав, что у тебя растет прекрасный сын?

Дверь уже открыта, а Лиля стоит с Тимом на руках и ждет, когда откроются створки лифта. Их голоса я слышал еще нходясь там.

– Скажи привет дяде Глебу, – обращается она к сыну.

Тот уже тянет ручки, утыкается мне в шею и обнимает.

– Привет, – картаво здороваается мальчишка.

У Тима темные волосы, которые выются на концах, и они выглядят милыми и очаровательными. Правда с такой прической он становится похож на девчонку, но Лиля наотрез отказывается стричь короче. Потому что “так было у Марата”. Тим пошел в него: темные волосы, карие глаза, наивный взгляд, который превращался в грозный, стоит убрать его любимую игрушку. Ему через пару месяцев исполнится три года. Совсем мальчишка, ребенок. Который с самого своего рождения не видел отца. Его друг совершил ошибку, из-за которой его и не стало.

– Да проходи ты уже. Что встал в дверях? Или ты как всегда на пять минут, Навицкий? Совсем гордым стал, да, бизнесмен? – подкалывает она меня.

Прошло больше месяца после аварии, когда я решился на-брать Лиле. Мне очень хотелось извиниться. Чувство вины было оглушительным. Я засыпал и просыпался с ней. Жил с ней. Живу.

Лиля ответила на звонок сразу. Может потому, что звонил уже не со своего номера. Я его просто поменял. По крайней мере, мне хочется так думать. Голос был убитым, низким и хриплым. Это терзало меня сильнее, топило, грубо окуная мою голову в ту же вину и не давая вырваться и сделать вдох.

Мы встретились в каком-то дешевом кафе, где даже не удосужились нанять официантов. Нам пришлось заказывать у кассы вонючий кофе и старые эклеры. От них пахло затхлостью и плесенью. Но это место выбрала Лиля. Я не стал ей перечить. Просто пришел, куда сказали. Глупо. Надо было позвать ее в нормальное кафе.

Она была поникшей, спина сгорблена, а лицо белое. Под глазами залегли темные круги. И это не от одной бессонной ночи. Так она теперь выглядела. От той задорной и очаровательной девчонки не осталось ничего. Даже запах стал другим. Нет больше свежести, что я чувствовал. Пахло старой одеждой и потом. Было ли мне противно? Безусловно. Ведь Глеб Навицкий никуда не делся. А потом... Она такая из-за меня, из-за того, что произошло. Она потеряла близкого

человека, который о ней заботился, который спас ее от тех гопников. Она была счастлива, пока я не вмешался.

Мы говорили долго. Лиля плакала, а я пил. Потом молча сидели и смотрели в окно. Было начало лета и светило солнце, оно клонилось к закату. Но мы мерзли. Она куталась в свитер, а у меня была неизменная кожанка. Иногда мне казалось, что запах дыма, огня и топлива вьелся, и ничем его уже не смыть. Он вьелся в мою душу.

– Я беременна, Глеб, – севшим голосом произнесла Лиля, – представляешь, думала сделать аборт. Ведь у меня нет денег, нет своей хоть и маленькой, но комнатки, нет ничего. Даже работы, и то нет. Я одна. А потом. Я вспомнила Марата, его улыбку, как он смеется. На ужин он любил жареную картошку с луком. Так просто. И я готовила ее ему. Его любимый напиток – крепкий черный чай с тремя ложками сахара, – Лиля первый раз попыталась улыбнуться, получилось натянуто и искусственно, – если бы ты только знал, что за приторная гадость получается! А еще он очень любил свою машину. Знаю, ты всегда называл ее ведром. Марат ее выиграл в карты у какого-то парня во дворе. Тот, в свою очередь, купил ее на каком-то аукционе. Одни легенды. Никто уже и не знает, что из них было правдой, а что вымыслом. Но он дорожил ей. Как и дружбой с тобой. Каждый вечер Марат рассказывал про тебя, как вы сидели в баре и о чем-то разговаривали. Непринужденные беседы парней, о которых никогда не расскажешь девушке. Но он мне все говорил. До-

верял. Подарок тебе на день рождение искал. Даже сильно психанул, когда на каком-то сайте его обманули. Марат был довольно доверчивым, открытым. И попал на мошенников. Они забрали деньги, а заказ так и не привезли. Расстроился он тогда жутко.

Лиля все говорила и говорила. Будто до этого она долго молчала. Хотя, это, наверное, так и было. После ее слов я понял, что плохо знал своего друга. Я так и не успел его по-хорошему узнать.

– В тот вечер, – Лиля запнулась, шумно сглотнула, но голос не прекращал дрожать, – я почувствовала, что что-то случится. Глупо, наивно. Марат только посмеялся. Мне было обидно, что он не прислушивается. А это чувство, оно было такое черное, грозное, нависло над нами и никак не уходило в сторону. Я поэтому так просила его не участвовать в гонках. Если бы я знала, что так все закончится, не пустила бы никуда его. Какая же я дура!

– Это моя вина, Лиля. Не бери на себя мои грехи.

– О чем ты, Глеб?

– Если бы я не поменялся с ним местами, – тут запнулся я, вспомнив наш последний разговор.

– Глеб, – она накрыла мои холодные руки своими такими же холодными, – не ты был за рулем той машины, понимаешь?

– Нет. – Коротко ответил я и вырвал свои руки. Мне очень хотелось их согреть, но я не знал как.

Мы выпили по две чашки ужасного пойла, которое они называли капуччино. Мой эклер так и остался несъеденным. Лиля же сделала пару укусов и откинула его в сторону. Ей тоже кусок в горло не лез или все-таки почувствовала затхлый запах пирожного?

– Не делай аборт, прошу, – мой голос такой тихий и жалкий, в нем не сразу узнаешь Глеба Навицкого, наглого мажора, который гонял по трассам.

– Нет, Глеб. Не сделаю. Я просто поняла одну вещь. Банально, но это частичка Марата. Моя и его. Как я могу так поступить? Это ведь все, что у меня осталось от него. И я, – пытается взять себя в руки. Лилия откинулась на спинку стула, противно скрипнув, и уставилась на меня серьезным, уверенным взглядом. Так смотрит женщина, готовая защищать свое, своего ребенка. – Я сделаю все, чтобы у него было все. Я буду его любить, заботиться о нем, быть ему всем, чтобы он вырос прекрасным человеком. Я сделаю все, чтобы мы ни в чем не нуждались. Я просто обязана, у меня нет другого выхода, понимаешь, – теперь она наклоняется ко мне, в голосе отчаяние, смешанное со злобой. Она злится не на меня, нет. Она злится на этот мир, который так несправедлив.

– Лилия, я тебе помогу. Ты правда ни в чем не будешь нуждаться. Я тебе обещаю.

– Хм... Навицкий, ты же хочешь это сделать из-за своего чувства вины.

Опускаю взгляд. Она попала в точку. Эгоистично хочу от-

купиться.

– Нет, Глеб. Ты не виноват. И Марат не виноват. Хотя, может, виноваты все. Но я не приму от тебя ничего.

– Почему?

– Хочу все сама.

– Глупое решение.

– Возможно.

– Тогда примешь мое предложение. Я не говорю, что буду тебя обеспечивать. Я просто тебе помогу. Квартира, роды, что там для ребенка нужно?

– Нет! – Лиля встала и ушла.

Спустя несколько месяцев я встречал ее из роддома. На руках у нее был маленький синий сверток весом чуть больше трех килограмм, а ростом всего-то пятьдесят сантиметром. Она назвала его Тимуром.

В коридоре стоит большая машина. Мерседес. Я его подарил Тиму на два года. Как он радовался такому подарку. Но Лиля тогда посмотрела на меня исподлюбья. А вечером меня ждал серьезный разговор. Машин она теперь боялась, как огня. Поэтому и квартиру мы с ней выбирали, чтобы и сад, и школа, и поликлиника, даже ее работа, находились рядом. Она никуда не хотела выбираться, если предстояло ехать на машине. Только пару раз мне удалось ее уговорить съездить в подмосковный отель отдохнуть.

– Смотри, что у меня есть? – Тим приносит мне радиоуправляемую машинку. Красная феррари. Удивляюсь, пото-

му что я такую точно не дарил. А больше не от кого.

– Уау! Дашь погонять?

– Нет! – последнее время Тима стал жадничать. Но это нормально для его возраста.

– А вместе с тобой можно? Я просто посмотрю? – не отстаю я.

– Ладно, – как-то грустно ответил Тим.

Лиля наблюдает за диалогом, она сложила руки на груди и облокотилась на косяк двери. На лице довольная улыбка.

– Сначала обед, мальчики, – уходит, забросив кухонное полотенце себе на плечо.

Квартира, которую я им снимаю совсем небольшая. Здесь только маленькая гостиная, спальня и маленькая кухня. От других вариантов Лиля отказалось. По ее словам, она влюбилась в нее с первого взгляда.

На кухню мы заходим с Тимом вместе. Он держит меня за руку и показывает, куда мне надо сесть. Сам же пытается залезть на высокий стул. Конечно же не справляется и начинает хныкать, а Лиля помогает.

В такие моменты мне тепло. Нет, это не моя семья, и я понимаю отчетливо. Но почему-то как-то щемить в груди начинает. Мила говорила, что я как морской камень. Изначально шершавый и неровный. И его просто надо обдать морской волной. Несколько тысяч раз, чтобы сгладить. Камушек должен стать обтекаемым. Так оно и есть. Эти волны происходили и на этой кухне в том числе.

Едим в тишине. Только Тим иногда покашливает: слишком часто погружает ложку супа в рот и начинает давиться.

– Я все! – счастливо заявил Тим. И сразу снимает с себя фартук с Маквином и пытается выбраться из высокого стула, – идем играть? – тянет ко мне маленькую ручку. А глазки хитрые, с задорными искорками.

– Малыш, иди пока. А Глеб доест и к тебе придет, хорошо?

Тим надул губы и сложил руки на груди. Пытается сделать серьезный и грозный вид.

– Не хочу.

– Тим, – говорю я, – дай мне доесть мамин суп, уж очень он вкусный. Тебе же понравился? Вот и я хочу опустошить тарелку. Договорились?

Тим насупился, но пререкаться не стал. В такие моменты, очень спорные, вспоминаю отца. И понимаю, насколько важна эта роль для каждого ребенка. Я не смогу Тиму заменить отца. Я банально не хочу. Это не мой путь, не моя семья, какими бы близкими мы не были. И в очередной раз я виню себя, что лишил этого милого ангела папы.

Он ушел к себе в комнату, откуда уже слышны звуки игрушечного двигателя и удары от столкновения маленькой феррари с дверью и стенами.

– Глеб, я хотела с тобой поговорить, – голос Лили такой вкрадчивый, словно она хочет признаться мне в чем-то постыдном. И будь я ее родителем, то непременно бы отругал

ее. Так глупо взрослому человеку бояться взрослого.

– Слушаю, Лилия.

– У меня, – запнулась. Встала из-за стола и отошла к кухонному гарнитуру, – у меня свидание через несколько дней, – опускает взгляд и смотрит себе под ноги. На ней смешные серые тапочки с каким-то мультяшным котом.

– Замечательно. Только не думаю, что тебе стоит передо мной отчитываться, Лилия.

– Я понимаю. Но дело в другом.

– В чем же?

– Ты сможешь посидеть с Тимом? С няней не получается, ее надо было заранее предупреждать. А отказываться я не хочу, – снова садится на свое место и отодвигает тарелку с недоеденным супом, – он мне нравится.

Откидываюсь на спинку стула. Сейчас мне комфортно, в отличие от того кафе, где мы сидели.

– Ты не подумай ничего лишнего. Это просто встреча. Он.. Его зовут Костя. Так вот Костя пригласил меня в ресторан. И... он хороший, добрый.

– Лилия, зачем ты мне сейчас это все говоришь?

– Чтобы ты понял.

– А что я должен понять по-твоему?

– Что мне одиноко и хочется каплю мужского тепла и поддержки. Знаю, Марат всегда будет со мной, воспоминания о нем никуда не денутся. И... я не предаю его, как может показаться. Просто я хочу жить дальше. Мне нужно жить дальше.

Я приближаюсь к ней, прям как тогда, в первый наш с ней разговор, такой откровенный и горький.

– Лиль, я тебе и слова не скажу, если ты встретишь человека, достойного твоей любви. Хочу, чтобы ты была счастлива, чтобы Тимке было хорошо. Жить дальше... – прикрываю глаза, – Лиль, если у тебя это получится, я буду только рад, правда.

– Значит, ты посидишь с Тимом? – уже радостно спросила Лиля.

– Конечно!

В тот вечер я пробыл у них допоздна. Помог уложить Тима спать. Даже рассказывал какую-то сказку. Разбросанные игрушки сложил на полки и в мешки с рисунками из разных мультиков, среди которых был и любимый Тимом Маквин.

Домой приехал за полночь, когда Рита уже спала. Сейчас это к лучшему. Не люблю ее расспросы, когда приезжаю от Лили. Они не про ревность, они про то, что есть темы, которые я ни с кем и никогда не хочу обсуждать.

Вот только готов теперь сыграть с Апраксиной в игру, где у нее появилось право влезть туда, где ярким пламенем горит слово “убьет”. И я добровольно дал ей это право. Дебил.

Глава 11

Мила

Аплодисменты сегодня громче. Они заполняют зал, непрекращающиеся звуки хлопков слышатся из каждого уголка. Это приятная волна греет, даже согревает своим теп-

лом. Ты купаешься в нем. Поклон, еще один. Нет глупых реверансов и вывернутых ног в попытке как можно ниже опуститься. Я дышу часто, несколько минут назад мы танцевали финальную партию спектакля. Эмоции на пределе, как и возможности. В последнее движение хочется вложить все, показать свой максимум.

Занавес закрывается, а мы опять уставшие опускаемся вниз. В руках у многих букеты. Они самые разные. И, конечно, шикарные розы и композиции с орхидеями достаются нашей ведущей партии, она исполняет роль Камилль, музы и проклятия великого скульптора. Я смотрю на ее лицо, где растянута улыбка, а в уголках глаз залегли морщины. Она устала.

– Мила, не стой на проходе, – говорит мне “Камилль” и слегка отводит меня в сторону.

Я стою на помосте. Передо мной открытая сцена. Все уже разбежались, никому не хочется задерживаться. Теперь настало личное время.

Здесь пусто. Только видны еще следы от ног на полу и витающая в воздухе пыль.

Я делаю несколько шагов вперед, заношу ногу в попытке сделать па, и опускаю. Позорно пятась назад.

Сказать, что я хочу эту роль, – ничего не сказать. Словно история повторяется. Тогда была Спящая красавица, прелестная и добрая принцесса Аврора. Я же была ей, давно, еще когда внутри меня нежилась маленькая девочка.

Мистер М говорил, что в любом человеке живет ребенок. Его маленький человечек, которому так и не подарили машинку. А может, та, кто случайно вылила на платье другой девочки компот и получила выговор от родителей. Им всем больно и обидно. И они живут внутри нас. Моя внутренняя девочка хотела танцевать Аврору. Да, ее мечта исполнилась. Только после остался горький привкус предательства с кислым оттенком вины.

Два шага вперед – и я делаю несколько движений из партии Камилль. Я видела ее репетиции, знаю каждый взмах. Чувства, эмоции, история, переживания – я изучила все. Осталось только пропустить через себя. Лучше всего это удастся делать в танце.

– Ты хороша в этой роли, – голос Миши выдергивает меня из танца. Всего лишь несколько движений, они ни о чем, ничего не значат, я даже не успела донести свою мысль до зрителя.

– Ты почему здесь?

– Искал тебя. Девчонки в гримерке сказали, что ты не вернулась еще.

– Ммм, а зачем искал?

– Просто. Поговорить.

Я быстрым шагом направилась прочь со сцены. Миша не должен был следить за мной. Не должен был видеть этот танец. Он был моим секретом, моей новой мечтой.

– Мила, – догоняет меня Миша, – с тобой все в порядке?

Я тебя чем-то обидел?

Хотелось сказать, что я не хотела, чтобы ты все видел. Словно без разрешения проник мне в душу. Но так и не смогла собраться с силами и это высказать. Моя маленькая девочка, что все еще живет во мне, считает, что это может обидеть его. Ведь Миша – хороший, и он не хотел этого.

– Все в порядке. Я просто спешу. У меня встреча.

– Свидание?

– Может быть.

– Странная ты Милы... – грустно произнес Миша.

– Чем же? – мне пришлось остановиться и повернуться к нему.

– Ты кажешься открытой, дружелюбной. Но всегда себе на уме. Твой внутренний мир – тайна. Ты никому и никогда не позволишь проникнуть туда. Выстроила преграды, через которые никому и никогда не пробраться. Аврора, что заточена в замке. Вокруг него множество терновых кустов с большими шипами. Хотелось бы добавить еще и огнедышащий дракон. Но, я могу ошибаться.

– Ты ошибаешься, да. Потому что я не Аврора. Уже не Аврора.

– А кто ты? Камилль?

Отпрыгиваю от него, словно он несет в себе смертельный вирус. И просто убегаю.

Переодеваюсь быстро, в спешке. Теперь ценна любая секунда. Так же быстро выбегаю из здания театра на парков-

ку. Откого бегу – неясно. Ведь за мной никто не гонится. Но даже выезжаю я резко, а в поток машин встраиваюсь, снова подрезав шустрю Тойоту.

До ресторана путь неблизкий. Мы условились с Мистером М, что наши неформальные встречи буду проходить там, где мы не сможет встретить кого-то из близких или знакомых. Он согласился. Мы как два шпиона, играем в свою игру, которая, по сути, нужна только мне.

В ресторане мало народу. Мне нравится. Приглушенный свет, ненавязчивая легкая музыка. Можно подумать, что я действительно пришла на свидание. Сейчас мой ухажер подарит красивый букет цветов. Пусть будут нарциссы. Удивительное растения с менее удивительной историей. Он отодвигает мне стул, а я элегантно присаживаюсь на него, не забыв поблагодарить. Так было бы, если бы я осталась прежней Милой.

Но я захожу в ресторан, игнорируя вопрос хостес. И прохожу к известному мне столику. Мистер М уже сидит и ждет меня. Как всегда с кем-то общается по телефону. У него приятный голос с легкой хрипотцой. Он вибрирует, когда Мистер М что-то говорит, и это успокаивает. Словно вводит в транс, медитацию или что там сейчас модно в столице.

Сажусь напротив и рассматриваю его. Темно-русые волосы с идеальной и ровной стрижкой. Серо-голубые глаза глубокие. В них таится столько мудрости, что становится страшно. Когда он смотрит на тебя, прямо в глаза, кажется, что

сейчас он прочтет все, о чем ты думаешь. От этого неуютно было первое время. Но я никогда его не боялась. Наоборот, после встреч с Мистером М словно вырастают крылья. Я могу парить.

Он еще несколько минут разговаривает по телефону. Я не вслушиваюсь, просто наслаждаюсь тембром его голоса, даже невольно прикрыла глаза.

– Ты как всегда в своем репертуаре, – “поприветствовала” я его.

Мистер М отключает звук и вибрацию на телефоне и кладет его экраном вниз. Он всегда так делал. Чтобы ничто и никто не помешал нашему с ним разговору. Уважение к сидящему напротив – одно из его правил. И только после всех этих нехитрых манипуляций, он смотрит на меня и, наконец, улыбается. Открыто, очаровательно, завораживающе, добродушно.

– А ты как всегда превосходно выглядишь.

Мистер М говорит это так, что мурашки разбегаются по телу.

Наш заказ официанту всегда один и тот же. Привычка? Нам приносят утиную грудку с брусничным соусом для Мистера М и пасту с трюфелем для меня.

– Людмила, ты же понимаешь, что для тебя я делаю исключение? – хитринки в глазах.

– Ты про ресторан?

– И про мое время.

– Иногда ты так занудничаешь.

– Зато, насколько я помню, всегда угощаю ужином.

– Теперь я буду называть тебя Мистер Щедрость, – нанизываю превосходные капеллини аль денте с тонкой стружкой трюфеля и отправляю в рот. Блаженство.

– А до этого как называла?

– Мистер М. – Он откидывается на спинку стула, но никогда не складывает руки на груди.

– Интересно. А у Глеба? Есть прозвище?

Как всегда в самую точку. Большую и нарывающую. Только он надавливает аккуратно и мягко. И это всегда мне в нем нравилось.

– Нет, ему я так и не придумала.

– Хотела бы?

– Да.

– Давай придумаем сейчас?

– Хм... а можно просто Навицкий?

– Можно. Но ты же понимаешь, что это не решение?

– А что решение?

– А что для тебя проблема?

– Ненавижу, когда ты так говоришь! – Мистер М засмеялся. Ему нравится, когда мы с ним так общаемся, словно между нами нет условностей и обязательств. Просто два человека обсуждают общую тему.

– Ты чувствуешь ненависть не ко мне, а к моим словам. Они задели тебя?

– Твои слова. Твой вопрос.

– Его повторить?

– Нет. Что для меня проблема, – тихо произношу я, – Проблема в самом Навицком. Он предлагает поиграть, – ухмыляюсь. – Есть такая игра, дурацкая, “Правда или действие”. Мы задаем вопрос друг другу и отвечаем на него, если нет, то выполняем действие. Любое, он подчеркнул.

– Ты сомневаешься, – утверждает мой Мистер М.

– Я боюсь, что станет больно. Снова.

– Людмила, нельзя избегать боли. Надо учиться ее проживать.

– Зачем?

– Боль – это тоже чувство, – резюмирует он.

– А если я не хочу больше чувствовать?

– Что ж, это твой выбор. Но проблему это не решит. А вообще, ты снова пытаешься вытянуть из меня совет, что тебе делать. – Его голос звучит немного грубо.

– Так нельзя? – улыбаюсь и пытаюсь свести все в шутку.

– Нет, – его улыбка, что когда-то меня и покорила, расположила к себе. И где-то внутри я поняла, что только ему и могу довериться.

Первый раз мы с ним встретились за столиком в кафе. В то день с неба падали мелкие капли дождя. Они превращались в наледь. Ее можно было увидеть на листочках деревьев, что еще держались на ветках из последних сил. Машины были покрыты этой глазурью, а дорога под ногами похожа на хру-

сталь. Стоял декабрь. В том году он был бесснежным.

На душе мне было так же холодно и промозгло, как и на улице. И я вся будто состояла из разбитого хрусталя, что при малейших признаках тепла просто растает. Стечет тонкой струйкой куда-то под ноги. А безымянный пешеход пройдет-ся по ней, мокрые следы будут тянуться еще долго.

В кафе уже развесили новогодние украшения. Но они не приносили мне радости. Не радовало вообще ничего. Сплошной серый цвет, равнодушие и апатия поселились внутри, наводят свои порядки, командуют. Ни один лучик света не разобьет эту твердую стену из обиды, боли и разочарования.

Я села за дальний стул. Ждала его. И гадала, как же он выглядит на самом деле.

Он зашел практически сразу за мной. Высокий, красивый. В него можно было бы влюбиться. Он легко смахнул с себя те капли дождя, что крупными слезами цеплялись за ткань его пальто. Действия обычные для других, завораживали меня и не позволяли отвести глаз.

Если бы я была художником, то непременно бы нарисовала эту картину, как красивый мужчина заходит в кафе и глазами ищет незнакомку. Назвала бы ее “Первая встреча”.

Он узнал меня сразу. Хотя до этого момента в глаза не видел. Слышал только мой голос. Наш телефонный разговор длился несколько минут. О чем он был? Сейчас не помню.

Мистер М подошел к столику и начал меня рассматри-

вать. Не изучать, а именно смотрел в глаза и читал меня. Так мне показалось. Хотя потом я узнала, что это не так. Он никогда не умел читать людей и их мысли. Очередной миф о Мистере М, который его забавляет.

Слезы начали капать маленькими снежинками, что должны покрывать дорожки в декабре.

Он сел напротив меня и просто улыбнулся. Так по-доброму, искренне, без толики фальша.

– Здравствуй, Людмила. – Голос в самую душу. Он согревает теплыми объятиями, как тот летний луч, все-таки разбивает крепкую стену. Она уже не такая высокая и толстая. Вот здесь пролегла трещина, а облицовка начала крошиться.

– Здравствуй.

Мы просидели довольно долго. За окном уже стемнело, а на улице прекратил идти дождь. Спустя несколько минут крупные хлопья снега легли тонким ковром на разбитый хрусталь. Он помог мне сесть в такси, потому что самостоятельно я ходила с трудом.

Я вспоминаю нашу первую встречу, а потом еще встречу, телефонные разговоры, как мы гуляли с ним по Александровскому саду. Мы не были друзьями, нет. Но почему-то хочется верить в то, что человек может просто стать тебе близким.

– Можешь не отвечать мне, но ответить себе, – отвлекаюсь снова на его голос, – Что ты ждешь от ваших встреч? От вашей игры?

Я допиваю кофе, хотя понимаю, что для такого напитка уже очень поздно.

Выходим вместе из ресторана как пара. Но мы ей никогда не были. Он подходит к своей машине, а я к своей. Несговариваясь, мы припарковали их рядом.

– Мистер М? – спешу я задать свой вопрос.

– Мистер М, – пробует на звучание свое новое имя, – А мне нравится, – улыбка.

– Ты моим девчонкам нравишься.

– Польщен. И где мы виделись?

– Нигде. Но я очень хорошо тебя описала, – облакачиваюсь на дверь. Прощаться не хочется. Мы можем говорить долго. И это мне нравится.

– Боюсь представить, – у него грудной смех. Глубокий, низкий.

– Я могу им твой телефон дать? – закидываю удочку, хотя прекрасно понимаю, что он не нуждается ни в чем внимании и обожании.

– Чтобы они подрались?

– Черт, не подумала. А Тиндер? Есть? Я бы Зойке скинула твою страничку.

– Увольте, – на этом слове он открывает машину.

– Пока, Мистер М, – выделяю я его новое имя.

– Пока, Людмила.

Выезжаю первая. Но не задала свой главный вопрос. Опускаю стекло и прошу его сделать тоже самое.

– Женщину, которая любит, но которой разбили сердце, можно назвать безумной?

– Все мы немного безумны, Людмила. Вопрос только, куда заведет нас наше безумие. Почему ты спрашиваешь?

– А что, если я вижу теперь себя не Авророй, а Камилль? Она ведь сошла с ума.

Он долго всматривается в меня. Что-то подсказывает, что сам раздумывает над моим вопросом, моими словами. Ответ у него всегда четкий, емкий. В самую точку, самое сердце. Оно верное, но колкое.

– Ты уверена, что Камилль стала безумной от неразделенной любви? Мы примеряем на себя многие роли, Людмила. Просто помни кто ты есть на самом деле.

Мы выезжаем с парковки вместе. Мистер М едет направо, я же включаю левый поворотник. Путь до дома снова неблизкий. Я приезжаю за полночь. Мягкая кровать, такая же подушка и долгожданный сон. Только перед тем, как погрузиться в негу, читаю сообщение:

“В выходной первый раунд, балеринка. Готовься ”

Глава 12

Глеб.

За окном раннее утро. Солнце только-только встало, а я уже как постовой солдат готов нести службу. В спортивную сумку положил нужные мне вещи, а сверху перекусы нам с Милкой. Что я задумал, пока сам не понимаю.

Эта мысль пришла ко мне внезапно. Словно загорелась

лампочка перед глазами. Могу поклясться, что я видел надпись “Идея”.

– Ты куда в такую рань? – Рита открывает глаза, пытается сфокусировать свой взгляд. Зевает и вижу, что еще пытается улететь обратно в свой сон. Ей часто снится море и наш отдых в Испании. Иногда Париж и Эйфелева Башня, где мы целовались на смотровой площадке.

– У меня встреча. – Останавливаюсь напротив кровати. Рита нежится и слегка откидывает одеяло. Раньше я всегда целовал ее перед уходом. Ничего не значащий для меня поцелуй. Просто выполнял ее просьбу. Только сегодня я не хочу этого делать, и Рита это чувствует. Взгляд стал грустным, а брови свела к переносице.

– С Апраксиной, да?

– Да, с ней, – иду в сторону двери, так и не оставив след на ее щеке. По утрам она пахнет цветами особенно ярко.

– Глеб? Зачем?

Останавливаюсь в дверях. Именно так, как было в нашу последнюю встречу с Милой, в прошлой жизни четыре года назад. В тот вечер я стоял к ней спиной и прикрыл глаза. Меня утомило все: обстановки, вопросы, прошлое.

Я снова оказался в той комнате. Но на этот раз я другой, сзади меня уже не Мила, которая ждет ответа. Там Рита. Девушка, с которой мне просто хорошо. Она ждет меня каждый вечер дома, готовит превосходные ужины, занимается со мной сексом. Любит. Безответно и долго.

– Нам нужно решить много вопросов, Рита. Чтобы двигаться и жить дальше.

Выхожу из комнаты, прикрыв за собой дверь. Больше я ей ничего рассказать не могу. И просто не хочу.

Утренняя Москва чудесна. Пустынные дороги, словно все жители вымерли и остался только я и мой Порш. Даже светофоры все горят зеленым. Яркий рассвет освещает улицы и мой путь к ее дому. Ну и забралась ты однако, балеринка. Я подъезжаю к дому Милы, когда все люди уже спешат на работу. Из ее подъезда то и дело кто-то выходит: быстрыми шагами спускаются по лестнице, так же быстро направляются к мусорным бакам, чтобы выкинуть мусор, и, быстро переставляя ноги, спешат в сторону остановки. Там уже собралась очередь.

Дом новый, но не такой шикарный, как наш прошлый. Даже странно, что Мила выбрала его, этот район. И удивлюсь, если у нее окажется маленькая квартирка, где даже не будет гардеробной.

Красивая цифра сто – номер ее квартиры. Набираю их на домофоне и жду ответа.

– Да? – голос бодрый, значит, ждет меня.

– Свои.

– Навицкий?

– А ты еще кого-то ждешь?

Противный писк домофона – Апраксина открыла мне дверь. Улыбаюсь, как debil. Сегодня у меня чудесное на-

строение. И чувствую, что и день будет чудесным.

Пятый этаж и заветная квартира, где в дверях меня уже ждет она – причина всех моих бед, переживаний и иногда тревожных снов.

– Ну привет, балеринка. Обнимемся? – настроение шутить и подкалывать ее. А потом впитывать ее эмоции, что бьют через край, ловить гневные лучи, посылаемые взглядом.

– Жди здесь, сейчас сумку возьму.

Она просто закрыла передо мной дверь. Наглая балеринка. Как только посмела не пустить меня на порог. Хорошо, что не купил ей цветы, ведь была такая мысль. Не удивлюсь, если бы она зажала этот самый букет дверью или просто забрала его и выкинула. Такой судьбы для своих первых цветов, подаренных женщине, я бы не хотел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.